

A detailed illustration of a woman with long, dark, wavy hair and light-colored eyes, looking directly at the viewer. She is wearing a dark, off-the-shoulder top. The background is dark and atmospheric, featuring several lit candles that cast a warm, yellow glow. In the upper left, there is a blurred, bright blue light source. Small red sparks or embers are scattered throughout the scene, particularly around the candles. The overall mood is mysterious and romantic.

Елена Паленова

Не злите ведьму

Новая сказка

Елена Паленова

Не злите ведьму. Новая сказка

Серия «В гостях у ведьмы», книга 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69972376

SelfPub; 2023

Аннотация

Ведьмы бывшими не бывают. Стоит немного расслабиться, и сказочная сторона реальности непременно напомнит о себе обилием проблем. В этой новой сказке Эле предстоит не только вернуть украденных Марией мужа и сына, но и разобраться в хитросплетении множества сюжетов одной и той же загадочной истории о разлучённых влюблённых.

Содержание

Глава 1. Сказка рядом	4
Глава 2. Дом, милый дом	8
Глава 3. О пауках и квартирантах	14
Глава 4. Любить и помнить	20
Глава 5. Квартирный вопрос	26
Глава 6. Неудачная прогулка	42
Глава 7. Ужин с горчинкой	53
Глава 8. По доброте душевной	61
Глава 9. У страха глаза велики	72
Глава 10. Если верить Белене	82
Глава 11. Наперекор врагам	93
Глава 12. Узница зла	105
Глава 13. Новый взгляд	118
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Елена Паленова

Не злите ведьму.

Новая сказка

Глава 1. Сказка рядом

Это жестоко – помахать у человека перед носом тайной, а потом сделать вид, что ничего такого не было. Можно ли вернуться к нормальной жизни после всего, что мне довелось пережить? Нет, нельзя. Я же всё помню.

Вчера, например, соседи пригласили нас на пикник к речке – там пляж есть хороший. Нормальный пляж – санкционированный, окультуренный, с беседками и мангалами. Июль, жара, все купаться полезли, а я так и не смогла заставить себя войти в реку, поскольку знала, что там водятся нявки. Отдыхающие взбаламутили всё, ил со дна подняли, шумят, а пакостливые речные обитатели этого не любят. Всё ждала, когда кто-нибудь с визгом из воды выскочит. Дождалась – одну из дам в бикини кто-то больно цапнул под водой за объёмную филейную часть. Упомянутая часть сразу же покраснела и начала опухать. Теорий по данному поводу было много – кто-то спорил о том, кусаются сами жуки-плавунцы или только личинки, другие вспомнили об ужах и гадю-

ках, которым в жару тоже в воде находиться нравится. Третьи при этом авторитетно заявляли, что в воде змеи не кусаются, но их никто не слушал. Все искали объяснимую причину и реального вредителя, а я была уверена, что нявкам просто захотелось тишины и покоя. Хотели – получили, но ненадолго. Людей иногда бывает очень сложно удержать от пути к намеченной цели. Жарко же, купаться хочется. Минут пятнадцать, наверное, к воде не подходил никто, а потом снова залезли и муть подняли.

«Я грудью кормлю, мне нельзя», – объясняла я любопытным свой отказ от водных процедур. Так и просидела на берегу с четырёхмесячным Владиком все три часа, пока мы там были. А ночью оставила Власова с сыном и поехала к речке одна, потому что там в это время никого нет. Никто не плещется, никто не бесит водяного и нявок – можно спокойно поплавать в своё удовольствие, не опасаясь за филейные части.

И так всё время. Я постоянно оглядываюсь на прошлое, потому что знаю о существовании того, во что никто не верит. Знаю о том, что на нашей улице ещё в двух домах живут домовые – мне Нефёд сказал. Обычные рыжие домовые без способности показывать вещие сны. Мне, правда, вещие сны тоже уже никто не показывает, потому что я не ведьма, но я-то знаю, что это возможно. И дворовые в нашем селе тоже есть, но на других улицах. И леший в лесу, хотя это не столько лес, сколько посадка – там сосны и берёзки ровными

рядами растут. Это не пугает, нет – просто раньше я всё это видела, а теперь не вижу. Реальность стала для меня слишком тесной, мне другой мир нужен. Мой мир – сказочный, полный волшебства и странных существ. Мир, в котором я могу видеть опасность, от которой нужно защищать своих близких.

Четыре месяца назад, когда родился Владик, мы с Власовым решили, что в нашей жизни больше не будет колдовства. Я заполнила свою врождённую душевную пустоту любовью, но это не равноценная замена, и она не отменяет того, что прилагалось к пустоте. Не хочу, чтобы моя жизнь снова превратилась в череду неудач, как это было до встречи с магией. Не хочу чувствовать себя несчастной и неполноценной. Пока вроде бы всё хорошо, но сколько это будет длиться? Где гарантия, что завтра какая-нибудь очередная катастрофа не вынудит меня бросить всё и снова окунуться с головой в сверхъестественные опасности?

Катастрофа, кстати, уже маячит на горизонте. Сегодня утром соседка по секрету сообщила мне, что сотрудница местного Дома Культуры Галина Львовна положила глаз на моего мужа. «С ней ухо держи востро, она мужиков только так ворожит», – последовало предупреждение, от которого веяло проблемами, а не оптимизмом. Хорошо ещё, что есть Нефёд – он приворот распознал бы. А я... Я теперь никто. Ничего не могу. И если моего мужа кто-то приворожит, то бежать за помощью к другим колдунам придётся – к Марии,

например, которая у себя на уме.

Не хочу я так. Судьба лишила меня возможности быть реалисткой и скептиком. Я верю в привороты, в колдовство, в ведьм, домовых, корзинки-самобранки, молодильные яблоки... Верю, потому что это есть. Да и как не верить, когда у меня по дому шастает прожорливый домовый со склонностью к kleптомании? Ещё и кошку на пакости подбивает, когда его что-то не устраивает.

В общем, я решила, что буду потихоньку заполнять свою пустоту тем, для чего она предназначена. Начну учиться. Пока сама и только тому, что доступно, а потом поищу нормального наставника. Только не Марию – у меня от неё мороз по коже. Власов этому решению вряд ли обрадуется, но я ведь не ради себя на это иду, а ради него и сына. Если безоблачность нашего будущего зависит от того, стану ли я ведьмой, то здесь и говорить не о чем. Ради семьи я Змеем Горынычем стану, если потребуется.

Кстати, о Змее Горыныче... Если сказочные артефакты вроде самобранок и молодильных яблок существуют, то что есть ещё? В сказках много всего волшебного и полезного. Страшного и опасного, правда, тоже. Боги, во что я опять собираюсь превратить свою жизнь?

Глава 2. Дом, милый дом

Чем дольше мы живём на новом месте, тем чаще я прихожу к выводу, что совершила большую ошибку, когда бездумно ткнула пальцем в карту и сказала Власову: «Где-нибудь здесь». Мы хотели уехать подальше от Мухино ещё до того, как родился Владик, но по вполне объяснимым причинам, о которых я вспоминать не хочу, созрели для переезда только к апрелю. Требования к новому жилью у меня были скромные – это должен быть уютный дом на окраине какого-нибудь небольшого села, но так, чтобы неподалёку имелся крупный населённый пункт с поликлиникой, детским садом и школой. Лес, речка, свежий воздух – это само собой. В доме должны быть все коммуникации – это тоже не обсуждается. А ещё это должно быть не слишком северно и не очень южно, поскольку после исчезновения магии у меня начались нормальные человеческие проблемы с восприятием температуры окружающей среды. Проще говоря, я стала мерзлячкой. До знакомства со сказочной стороной действительности мой организм вполне сносно переносил умеренный климат, но хотелось, чтобы было потеплее, поэтому палец ткнулся в карту не совсем на юге нашей необъятной страны, но всё же южнее столицы.

Я была согласна и на недорогой маленький домик, но Власов сказал, что со старыми домами много возни по ремонту,

поэтому проще купить новострой. И нам нужен не маленький домик, а нормальный дом, где мы не будем друг о друга спотыкаться. Спальня, детская, гостиная, кухня, раздельный санузел, минимум одна гостевая комната, небольшой кабинет и помещение, которое можно использовать под мастерскую. И гараж. Когда Толя это всё перечислил, у меня от его запросов отвисла челюсть, а потом я ляпнула не без сарказма: «И балкон». Просто пошутила, а он немедленно включил балкон в перечень требований.

«Где-нибудь здесь» оказалось Тамбовской областью. Статьи в Интернете красочно и детально расписывали богатство тамбовской природы, но мне как-то сразу же резануло по нервам упоминание о том, что в этом лесостепном краю встречаются тарантулы. Я пауков терпеть не могу – они мерзкие. А тарантулы ещё и здоровенные. Под наши с Власовым запросы подходили несколько домов, но полностью удовлетворял все хотелки только один – большой домике в селе Мизгиревка Мичуринского района. Меня от одного только названия перекосило – опять про пауков. Неспроста ведь это всё. Но по фотографиям дом очень понравился. И участок большой с садом – тоже хорошо.

Надо было сразу отказаться и предложить Власову поискать подобную недвижимость где-нибудь в другом регионе. Можно даже севернее – там хоть и холодно, но пауков поменьше. К сожалению, на тот момент я руководствовалась в своих решениях исключительно желанием поскорее

обратиться из Мухино, поэтому засунула свои недобрые предчувствия подальше и согласилась на первый же подходящий вариант. Нам продавцы даже онлайн-экскурсию устроили с хвалебными одами и честным признанием в том, что подвал по весне подтапливается грунтовыми водами. На мой вопрос о пауках они ответили, что никогда тарантулов в глаза не видели. Тарантулы в земле норы делают, в степи, а в деревнях они не водятся.

Ага. Страшнейшие пороки человека – это наивность и доверчивость. Дом оказался замечательным, да. И Власов без торга отвалил за него восемь миллионов, хотя за эту сумму можно было приобрести всё Лесное, участки в котором Мирон Карпунин снова вознамерился продать. Восемь миллионов! И это при том, что Толе предстояло в связи с переездом ещё как-то решить вопрос со своим бизнесом. Ну ладно, это всё финансовая лирика, но почему я свою интуицию-то не послушалась?

Покупать дом Толя ездил сам – у меня ребёнок грудной, мне как-то не до путешествий было. Вернулся довольный и счастливый. Поздравил меня с приобретением – я доверенность давала, чтобы на нас двоих всё оформили. Сказал, что дом просто потрясающий, соседи мирные, село тихое, места красивые – всё, как я и хотела. В середине мая мы попрощались с Петром Семёновичем и Батоном и поехали осваиваться на новом месте.

Дом у нас и правда замечательный – большой, светлый. На

первом этаже гостиная с камином, спальня, детская, кухня и отдельный санузел. В мансарде две гостевые комнаты, в одной из которых имеется балкон. Там же есть место под кабинет, если правильно сделать перепланировку. Подвал огромный – он занимает всё пространство под домом и состоит из трёх помещений. В одном из этих помещений установлен двухконтурный котёл. В подвале же находятся все счётчики и распределительный электрический щиток. В небольшой угловой комнатке имеется приямок с поплавковым насосом, чтобы откачивать воду раньше, чем она затопит весь подвал. Власов сказал, что проблема с гидроизоляцией решается, но ему пока не до этого, да и нечего мне в подвале делать – там всё равно пусто.

Я туда и не ходила до июня, пока не пришло время оплачивать коммунальные. Даже дверь не открывала. И всё время удивлялась – откуда в доме берутся комары, если на всех окнах установлены москитные сетки, а ночью работают фумигаторы? Думала, что это из-за частых прогулок – дверь входную открываем, вот насекомые и летят. В июне спустилась показания на счётчиках посмотреть, а они на меня там эти кровопийцы как напали... И ладно комары – там лягушки! Болото самое натуральное!

Это было месяц назад. Власов до сих пор решает какие-то проблемы с бизнесом – ему некогда заниматься сырым подвалом. Он вызывал сотрудников СЭС, и всех насекомых нам вытравили, но это ведь временная мера. Строители какие-то

тоже приходили, но у меня тогда Владик приболел, и я разговор не слышала. Толя пообещал, что до конца лета всё будет «в шоколаде». Вспоминая об этом его обещании, я всё время опасаюсь метафоричности – а вдруг у нас в подвале ещё и канализационная труба лопнет?

Вчера я приняла решение снова впустить магию в нашу жизнь, но не знала, как поговорить об этом с Толей. Сегодня он сам пошёл в подвал снимать показания счётчиков. Вернулся оттуда с брезгливым выражением лица и попросил какую-нибудь банку с крышкой. Или майонезное ведёрко. Я думала, что он лягушек по подвалу ловить собрался, и из любопытства тоже спустилась.

– Это тарантул, – сообщил он мне, указывая пальцем на жирное членистоногое серовато-оливкового цвета. – Наверное, через окно в котельной заполз. Ты близко не подходи, а то он прыгнуть может. Тарантулы имеют привычку в случае опасности нападать первыми.

Спасибо, что предупредил, только поздно – паук прыгнул. Не знаю, как Власову удалось его поймать, и что стало с чудовищем потом – я с диким воплем умчалась в детскую, закрылась там и на всякий случай даже вытащила Владика из кровати. Тарантулы кусаются, причём больно, а для аллергиков ещё и очень опасно. У Владика вроде бы аллергии ни на что нет, но он же совсем маленький – а вдруг такая пакость его за шею цапнет?

– Эль, да они ведь не лошади, чтобы табунами бегать, –

успокаивал меня позже Толя. – Ну свалился один к нам случайно, и что? Это ведь не значит, что у них тут норы на каждом шагу. Ты год назад в обнимку с волками спала и змеями командовала, а это всего лишь паук.

– Год назад меня магия от всей этой гадости защищала, – огрызнулась я.

И поставила наконец-то мужа в известность относительно намерения учиться колдовству – для защиты, не больше. Власов усмехнулся в ответ и заявил, что этого следовало ожидать. «Бывших ведьм не бывает», – сказал он, но всё-таки огорчился. Ну и пусть. Знал ведь, на ком женится.

А я начала составлять список заговоров, которые мне нужно изучить в первую очередь. Начну с защиты от пауков. Пока я знаю, что где-то рядом шастают такие вот мохноногие монстры, покоя мне точно не будет.

Глава 3. О пауках и квартирантах

Знания – это не фундамент для жизненного опыта, хотя в школе нам говорили обратное. Знания – это всего лишь инструмент, благодаря которому строительство идёт быстрее. А ведь нужны ещё и стройматериалы.

Если говорить о магии, то она из трёх частей состоит – знаний, способностей и магической энергии. Год назад у меня всё это было. Большею частью колдовской силы меня снабжала природа, а то, что она дать не могла, я получала извне с помощью знаний и способностей, унаследованных от Марфы. Теперь ничего этого нет. Помощь природы была направлена на защиту ребёнка в моей утробе – я лишилась этой части магии в тот момент, когда Владик появился на свет. Наследие Марфы тогда же забрала Мария. Но это ведь не всё, что я имела. Я ведь уже тогда пыталась чему-то учиться, постигала сложную науку управления стихиями, а Беле-на понемногу наставляла меня в других сферах колдовства. Да, у меня больше нет силы, но я знаю, где её можно взять – для тёмных дел нужно жертвоприношение, а для прочих нужную энергию даст природа, если правильно попросить. И какие-никакие знания у меня всё-таки есть. Они не принадлежали Марфе, я их сама приобрела, поэтому Мария и не смогла это отнять. Но у меня нет способностей к колдовству, а без них сложно.

Защита от пауков, комаров, ос, клещей, колдовства и ведьм, нежити и призраков, сглаза и недоброжелателей – перечень необходимых защитных мер получился довольно-таки длинным, а с моим арсеналом знаний и возможностей сделать можно мало. Но я хотя бы попробовала.

Раньше защищаться от насекомых нужды у меня не было, поэтому необходимых знаний не имелось. В телефоне сохранились некоторые контакты «экстрасенсов» Олега Карпунина, но звонить этим людям я не рискнула – они же Карпунину доложат, что я снова в магию лезу, и он потом от меня не отвяжется. Вариантов осталось два – найти какую-нибудь ведьму по соседству или черпать нужные знания из книг. Ну или из Интернета, хотя надежды на то, что там найдётся что-нибудь действенное, было мало.

Начала я с того, с чего и намеревалась – с изгнания из дома пауков и защиты от их повторного проникновения в жилище. Нашла простенький заговор с минимумом манипуляций – нужно было только пройтись веником по всем углам в доме, одновременно с этим произнося заговорные слова. А веник после этого полагалось сжечь. Два дня добросовестно ждала, когда Власов уедет в Тамбов по каким-то своим делам – не при нём же задуманным заниматься. Заодно за это время нашла в сети ещё несколько вроде бы приемлемых советов. Вчера утром Толя уехал. Я после кормления уложила Владика в коляску, которую выкатила на террасу. Открыла настежь все окна и двери, включая подвальную, и приступи-

ла к воплощению своих намерений в жизнь.

– Это ты чего такое делаешь? – поинтересовался Нефёд, когда я уже обмела все углы в мансарде и успела подобным образом обработать детскую и спальню.

– Пауков из дома изгоняю, – сообщила ему я.

– А-а, – протянул домовый с задумчивым видом. – И как? Помогает?

– Не знаю. У нас и так паутины нет нигде, поэтому за результатом придётся следить.

– Ну-ну... – многозначительно отозвался Нефёд, заложил свои ручки-лапки за мохнатую спинку и вознамерился уйти, но я успела схватить его за шкурку.

– И что означает твоё «ну-ну»? – спросила грозно, тыча ему в пузо ручкой веника, которую, согласно инструкции, перед чтением заговора обмотала чёрной ниткой.

– Я тебе кошка что ли, чтобы за шкуру меня таскать?! – возмутился домовый.

– Отвечай на вопрос! – потребовала я и для пущей остротки встряхнула негодника так, что он аж икнул.

– А вот шиш тебе! – последовал наглый ответ, и мне в нос ткнулся свёрнутый из малюсеньких пальчиков кукиш.

В последнее время Нефёд стал совершенно невыносимым. Внимания я ему, видите ли, мало уделяю. А то, что других домовых хозяева даже не видят – это не показатель. Я-то вижу. Я ведь друг. И как друг я обязана окружить своего домового безграничной любовью, лаской и вниманием.

Кормить получше... Да куда лучше-то? Он и так от обжорства вконец обнаглел.

– Ладно, – гневно сощурилась я и бросила веник на пол. – Пойдёшь, значит, жить к Графу в будку.

Не знаю, у всех домовых лютая ненависть к собакам, или только Нефёд такой, но он даже в двухмесячном щенке видит опасного врага. И боится. И Граф его тоже недолюбливает. Целый скандал получился, когда Власов две недели назад осчастливил меня лопоухим подарком. И той же ночью Нефёд попытался выжить вражину из дома – будки-то тогда у нас не было ещё, и щенок был оставлен в доме. Нефёд так и не признался, что сделал, но Граф с истошным лаем носился за ним по всему дому, пока Власов не прекратил это безобразие, выгнав собаку во двор. «Псине в доме не место», – с важным видом заявил тогда Нефёд в своё оправдание. А теперь Граф начинает психовать сразу же, как только видит домового – у них взаимная ненависть, и я ничего не могу с этим поделать. Зато на Нефёда нашлась управа – стоит пригрозить ему собачьей будкой, и наглец сразу же становится паинькой.

Он сдался раньше, чем я успела вынести его за шкуру во двор.

– Пусти, хозяйка! Я ж не со зла! Вредность у меня природная, её не отнимешь! Всё скажу, что просишь!

– С этого и надо было начинать, – проворчала я в ответ, но никуда вреднюгу не отпустила, поскольку была уверена,

что он сбежит и спрячется. – Говори!

В итоге выяснилось, что никаких пауков мне гонять не надо – для этого у меня домовый имеется, которому за чистотой и порядком по должности следить положено. Нет у нас пауков, муравьёв, тараканов, мокриц, уховёрток и прочих многолапой живности. И не будет ничего этого до тех пор, пока есть домовый. От комаров и лягушек он, увы, не спаситель – за это болотник в ответе.

– Они с лешим прошлой осенью повздорили, и леший его из болота выгнал, – фонтанировал откровениями Нефёд. – А куда болотному духу идти? В лесу ему житья нет, в другие болота его тоже не пускают, а тут дом пустой да подвал сырой.

– То есть у нас в подвале живёт болотный дух? – на всякий случай переспросила я, отказываясь верить своим ушам.

– Он смиренный, – умоляюще посмотрел на меня домовый. – Тихий и вредить не будет. Не гони его, хозяйка. Некуда ему идти.

– То есть комары и лягушки...

– А это его природа. Против природы не попрёшь же, хотя он старается.

Ну вот и как на эту новость реагировать? Нежить людям показывается только тогда, когда хочет, чтобы её увидели. Болотник, судя по всему, не хочет – боится, что его прогонят. Нефёд, оказывается, уже успел ему наплести, что я ведьма, и надо сидеть тихо, а то беды не миновать. И недавнее наше-

ствие дезинсекторов этому нашему квартиранту как мёртвому припарка – против природы же не попрёшь.

– Болотник, значит... – вздохнула я, смиряясь с фактами. – А тарантул в подвале откуда взялся? Они же в болотах не живут.

– А это девица-полевица болотнику так весточки передаёт. С паучками, с мышками... Любовь у них, понимаешь? Давняя любовь, настоящая. Но история у этой любви грустная. Рассказать?

Я бы отказалась, да только решила же снова ведьмой стать, поэтому нужно как-то привыкать к тому, что лёгкого пути не будет. Новые сказки, новые знакомства, новые опасности – это придётся пережить, если хочу семью свою от всех бед уберечь. И болотника из подвала тоже как-то придётся выселить, хотя я пока не имею ни малейшего представления о том, как это сделать.

Глава 4. Любить и помнить

Много лет назад на том месте, где в лесу теперь болотина сырая находится, стояла церковь. Тогда и лес-то ещё так сильно не разросся, и села с названием Мизгиревка в помине даже не было. Другая деревня была – Лисьим Логом называлась. И лог там был неподалёку, и лисы водились в изобилии, поэтому в деревне много кто охотой промышлял. Жили в этой деревне люди свободные и простые – не крепостные, но всё же подневольные. Барщину отработывали, оброк платили – всё честь по чести. Роскоши не знал никто, но и не бедствовали. Добротные лисьи шкурки на ярмарках нарасхват уходили, поэтому о хлебе насущном большинству крестьян в Лисьем Логу беспокоиться не приходилось.

Большинству, но не всем. Жила там одна семья, у которой несчастье кормильца отняло – тоже охотника. Жена у него вредная была, заносчивая и склочная, потому беда и отрезала семью эту от соседей. Никто помогать не захотел. В семье всего один ребёнок – девка на выданье Аннушка. Вместо куска хлеба соседи склочной вдове совет дали – Анну замуж удачно выдать. Красивая девка-то, жених быстро сыщется. А мамаша зятю-то на шею и присядет, раз сама не в состоянии себя прокормить. Ну или работать надо в поте лица – тогда и голодать не придётся.

Вдова та была не только вредной, но и ленивой. О труде

тяжёлом мимо ушей всё пропустила, а второму совету вняла – начала для дочки своей единственной жениха богатого искать. Ну как богатого... Кто на нищей крестьянке жениться захочет? Вот и велись поиски среди тех, кому происхождение невесты безразлично было. К купцам вдова сваталась, к крестьянам зажиточным – ко всем, у кого денег больше, чем у простых работяг. В родной деревне на Аннушку никто и смотреть не хотел – все знали, какое ярмо вместо приданого получают. Анна-то хорошая, а вот тещу такую в довесок к жене приобрести никому не интересно было.

Нашёлся жених – сын купца Еремея, что неподалёку жил. Богатая семья, подходящая. И купец тоже недавно овдовел, поэтому сам женихом был завидным. «Аннушку за Стёпку сосватаю, а сама Еремея охомуताю», – придумала вдова гениальный план и немедленно приступила к его воплощению в жизнь. И вроде складно всё у неё получалось, да только промашка вышла – Еремею тоже Аннушка по душе пришлась. Он хоть бородой и сед, но всё ж мужик ещё не старый. А на вдову купец и не смотрел даже – слишком напористая она и наглая. Такой жены и врагу не пожелаешь.

Степан и Анна уже и познакомиться успели, и полюбили друг друга, когда узнали оба, что беда над их счастьем нависла. Еремей своих намерений не скрывал – он прямо заявил, что на Аннушке жениться желает. Вроде даже ещё лучше получалось, чем вдова хотела, да только вот желания её поменялись уже. Подлость она задумала страшную – дочь

собственную решила со свету сжить, чтоб под ногами не путалась. И знала ведь, что всё равно Еремея не получит, но от обиды и злобы всё в голове у неё помутилось.

Аннушку о недобрых намерениях матери травница местная предупредила. «Не ведаю причин, но мать твоя волчегонник нынче в лесу собирала. Яд в нём страшный, а она много взяла», – так сказала. Анна эти слова Степану передала, а он знал уже, что отец у него невесту отнять хочет. И с одной стороны беда, и с другой опасность – что делать? Побегали молодые в церковь помощи искать. Попросили попа обвенчать их, пока ничего дурного не случилось – авось, отступятся после этого оба родителя от замыслов своих недобрых. Поп выслушал обоих, подумал немного, а потом согласился. И поручителей даже сам нашёл, чтобы всё по закону и порядку было.

Анна и Степан весь день в церкви провели – выйти боялись, молитвы читали. Приходила туда вдова за дочерью. Клялась, что нет у неё дурных мыслей. Домой звала. Свадьбу со Стёпкой обещала, но не сразу, а немного погодя, когда отец его свои желания усмирит. И Еремей тоже приходил – приказывал сыну отказаться от Аннушки. Совсем от гнева ослеп, шум в Храме Божьем поднял. Выставили его церковники за дверь, так он и с улицы кулаками потрясал. «Никогда тебе оттуда живым не выйти!» – так сыну родному угрожал.

Аннушка уж и на попятный готова была пойти – от венчания отказаться хотела, чтобы Еремей Степану зла никако-

го не причинил. Женой для купца старого готова была стать ради сохранения жизни любимому. Еремей – суровый человек. Он слово своё держать привык. Все его угрозы слышали, и никто не усомнился в том, что он на такой грех способен. «И долго ты с ним проживёшь, ежели твоя мать ничем не лучше? Нынче вечером обвенчаемся, а ночью уйдём отсюда. По лесу до леса доберёмся, а там нас не сыщет никто. Не отдам тебя никому. Вдали от всех жить будем. Счастливы будем», – пообещал Степан невесте, чтобы успокоить её.

Поверила Аннушка жениху. Под венец с ним пошла. Ночью убежать хотели, как и собирались, но не получилось – Еремей церковь поджёг. Нанял разбойников каких-то, которые все двери снаружи подпёрли и сена с хворостом под бревенчатые стены быстро набросали, а факел горящий своей рукой бросил. Не смог он смириться с тем, что сын против его воли и желаний пошёл. Не смог простить. Да ещё и в сердцах проклинал молодых. «Чтоб вам и на том свете вместе не быть!» – сказал так, сплюнул себе под ноги и ушёл.

Еремей долго не прожил – его мать Аннушки отравила. Не за гибель дочери единственной мстила, а за то, что купец от неё самой отвернулся. От злости, обиды и ненависти совсем из ума выжила. И сама тоже не прожила долго – в преступлении своём прилюдно призналась, с гордостью, а за такие грехи по законам людским наказание известно.

Церковь деревянная до остова сгорела – ничего не осталось, кроме углей. Никто не спасся. Новую хотели на том же

месте построить, но не успели – поветрие все окрестные деревни и имения вымело почти подчистую. О Лисьем Логе и купеческом доме уже и не помнит никто. Лес вырос там, где раньше люди жили. Овраг с лисьими норами в болото превратился. Со временем это болото больше стало, шире. И кладбище церковное, и сгнившие остатки опустевших крестьянских домов – всё вниз ушло. Нет ничего. Даже памяти не осталось. Нежить местная только и помнит историю о сгоревшей церкви и проклятых влюблённых.

Степан и Анна – муж и жена перед Богом и людьми. Они успели обвенчаться, но счастья общего не нашли ни при жизни, ни после смерти. Слово Еремея, высказанное в ярости, настолько сильным оказалось, что оно не позволило душам влюблённых обрести покой и разбросало их без возможности воссоединиться. Степан духом болотным обернулся – из-за него-то болото и расползлось. А Аннушка полевицей стала – духом полей. Помнят они друг о друге, тянутся друг к другу, но вместе быть не могут. У каждого свои владения. Болотник воде принадлежит, полевица – земле. Каждый своё оберегает, и мира между ними быть не может, потому как болото плодородные земли губит, а осушение и возделывание губительно для него самого. Тяжко Степану и Анне, да только исправить уже ничего нельзя. Разлучены они навечно. Одна отрада – весточки друг другу слать с птичками сладкоголосыми, мышками шустрыми да гадами ползучими. Любить и помнить. Помнить и любить.

* * *

Вот что мне теперь делать? Вечером рассказала Толе о том, что мы купили дом с квартирантом, а он даже обрадовался – раз причиной сырости в подвале является болотный дух, то мне эту проблему и решать. Это я ведь у нас ведьмой собираюсь стать, как раз и практическая задачка подвернулась. Вот ведь... Я попыталась ему объяснить, что болотник на сырость пришёл, а не наоборот – даже слушать не захотел. Сказал, что не будет заниматься гидроизоляцией, пока я не избавлюсь от нечисти. Понятно, что Власов таким оригинальным способом меня поддерживает, но легче-то от этого не становится.

Глава 5. Квартирный вопрос

О болотных и полевых духах Белена как-то упоминала, но вскользь. В Лесном они не водились, поэтому ведьма никогда их не видела. Но ведь она сама была болотным духом – триста лет на дне трясины жила, а выбралась оттуда только потому, что природа так распорядилась. Вывод – природа может изменить суть нежити. Ну или можно как-то эту непотребность упокоить, раз уж она из человеческой души образовалась. Я помню разные способы упокоения, потому что пользовалась ими, но загвоздка в том, что для этого ведьмовские способности нужны, а у меня их нет.

Болотники... В Интернете, как и ожидалось, информация об этих существах нашлась противоречивая, но все источники единодушно утверждают, что болотные духи – нечисть злая и вредная. Понятно, что все прочитанные мной статьи основываются на мифах, религиозно-негативном отношении к нежити и фольклоре. Я-то точно знаю, что водяные и лешие злыми быть не обязаны. И кикиморы не всегда вредительствуют. У сказочных существ такое же разнообразие характеров, как и у людей. Наш болотник, если верить Нефёду, смирный, тихий и печальный – о таких я ни одной статьи не нашла. Тихие – да. Сидят на дне болота и никого не трогают, пока не заскучают. Иногда для развлечения водят случайных путников кругами или топят. Тоска зелёная и веч-

ный депресняк – примерно такое складывается мнение.

О девицах-полевицах информации оказалось и того меньше, зато о полудницах я много чего интересного прочитала. Живут в полях или огородах, считают культурные посевы и посадки неприкосновенным природным богатством и ненавидят людей, поскольку люди нагло посягают на ими же выращенное добро. Духи эти невероятно злые. Супер! Логично предположить, что супружница болотника мне непременно станет мстить, если я её ненаглядного как-то обижу. Не за себя страшно – за сына. Можно попытаться выгнать болотника святой водой, какими-нибудь общедоступными заговорами от нечисти или простенькими оберегами, но кто мне даст гарантию, что после этого жизнь станет спокойнее? Когда речь идёт о нежити, ухо надо держать востро, а иначе в такое можно вляпаться, что потом не отмоешься.

В общем, подумала я немного и решила для начала хотя бы познакомиться с чудищем, которое в нашем подвале обитает. Оставила Владика под присмотром Власова, вздохнула тяжело, убедила себя в необходимости задуманного и спустилась в подвал.

– Степан, покажись! – потребовала громко и грозно, но вовремя сообразила, что в моём положении командовать глупо, ведь я ничего этому существу сделать не могу. Пришлось сменить тон на более миролюбивый. – Поговорить надо. Гнать тебя не буду, потому что не могу. Не ведьма я.

Всё равно ведь узнает, что Нефёд его обманул, так почему

бы сразу правду не сказать?

В закутке с прямком что-то хлопнуло. Натужно зажужжал насос. Я вспомнила картинки из Интернета и явственно представила большущее грязно-зелёное нечто устрашающего вида, которое вот-вот вылезет ко мне поздороваться. По спине поползли мурашки. Ещё и комары с радостным писком налетели – ура, обед! Минута, вторая... Никто знакомиться так и не вышел. Я прихлопнула у себя на лбу особо наглого кровопийцу и пошла к прямку – раз уж начала, то отступать теперь стыдно.

В сырой комнатухе никого не было. Насос старательно опустошал неглубокий прямок, проталкивая воду в длинный шланг, другой конец которого был выброшен в сад под кусты смородины. Лето, жарко, земля быстро высыхает, поэтому мы и не волновались, что в саду будет грязь – наоборот, о поливе кустарников можно было не беспокоиться. Правда, бывшие владельцы этого дома обещали, что к июню грунтовые воды уйдут, и подвал высохнет, но уже июль, а ситуация к лучшему не меняется. Я, если честно, не совсем понимаю, почему они сразу при заливке фундамента и подвального пола гидроизоляцию не сделали. Пожадничали? С их же слов, дом этот пять лет строился – достаточно времени, чтобы устранить очевидную проблему. Сами ведь жить здесь собирались. А продали они эту громадину из-за того, что деньги у них закончились, а дети неожиданно выросли и в селе жить не захотели – квартиры им подавай.

– Степан! – снова позвала я, отмахиваясь рукой от назойливых насекомых.

– Ква! – ответила мне жирная лягушка и свалилась в приямок, но сразу же выкарабкалась обратно.

– Это ты что ли болотный дух? – скептически поинтересовалась я, приподняв бровь.

– Это просто лягушка, – уныло сообщил кто-то из угла справа от меня.

В подвале запахло уже не просто сыростью, а настоящим болотом – густой такой запах, неприятный. Я на всякий случай сделала пару шагов назад – а ну как сейчас материализуется из воздуха какое-нибудь чудо-юдо страшнющее. Но материализовалось совсем другое – склизкое и тощее перепончатопальное существо коричневато-зелёного цвета, строением тела и ростом напоминающее взрослого человека, но внешне больше похожее на жабу. Очень худую жабу. И очень грустную. Из одежды на этом создании была только набедренная повязка, слепленная из болотной тины и ряски. Болотник сидел на полу с видом приговорённого к казни смертника – тощие ноги в коленях согнул, склизкой мордой в них уткнулся...

– Ты зачем в дом забрался? – начала я с главного. – Лужи что-ли не нашёл никакой?

– А ты зачем врёшь, что не ведьма? – пробубнил болотник себе в колени. – Была б не ведьмой, и не увидала бы меня даже, не то что допросы учинять.

– Для того, чтобы нежить видеть, особый дар не нужен, – возразила я, вспомнив о том, как в прошлом году Карпунин и его друзья без особого интереса разглядывали кикимору. У Власова тоже никакого дара нет, между прочим.

– Особый, может, и не нужен, но какой-то всё равно должен быть, – парировал Степан.

– Нет, не должен, – ввязалась я в спор, но вовремя осознала, что собеседник просто уходит от темы, и продолжила наезд: – Послушай, уважаемый, ведьма я или нет, но выгнать тебя отсюда силы у меня точно нет. Попросить только могу и посильную помощь оказать в виде поиска подходящей канавы.

– А обещала, что гнать не станешь, – напомнил мне нежеланный квартирант и снова горестно вздохнул.

С одной стороны, мне его было жаль. С другой – на кой чёрт он нам, спрашивается, нужен? Жилой дом – не место для таких существ. Домашняя нежить – это ещё куда ни шло, но не болотник же!

– Ты ведь понимаешь, что не можешь здесь оставаться? Из-за тебя в доме сырость, жабы и насекомые, а у нас ребёнок маленький. Сочувствую твоей беде, но и меня тоже пойми, пожалуйста.

– Домовой сказал, что ты добрая, – проныл Степан, так и не повернувшись ко мне своей мордой. Точнее, это было лицо, но настолько лягушачье, что лицом его назвать язык не поворачивался.

– Доброте тоже предел есть, – ответила я. – Если бы мы к тебе в болото жить припёрлись, ты бы безмерно счастлив был?

– Да уйду я, уйду, – обиженно проворчал он. – Думал, что ты другая, а ты такая же, как все.

– Кто это «все»? – начала я раздражаться.

– Ведьмы, – квакнул болотник в ответ.

Тоже мне, царевич-лягушка нашёлся. Ещё и обижается.

– И чем же тебе ведьмы не угодили? – спросила я, но ответ получить не успела.

– Эль, у тебя там нормально всё? – донёсся с другого конца подвала голос Власова.

– Лучше не бывает, – не без сарказма ответила я.

– К тебе тут гости приехали, – сообщил он.

Я подумала, что речь идёт о Серёжке и Женьке – они крёстные Владика и единственные, кто знает наш новый адрес. И Власов сказал «приехали» – значит, это не соседка.

– Сейчас иду, – пообещала мужу и снова обратила свой взор на склизкого квартиранта. – А с тобой мы позже договорим, если, конечно, у тебя не хватит совести убраться отсюда добровольно.

Да, я пообещала, что выгонять его не буду, но речь шла о колдовских способах изгнания. Нам в подвале такие жильцы не нужны. Степан несчастный, его жалко, да, но не открывать же из-за этого приют для нежити.

А в гостиной меня ждал очередной сюрприз – в мягком

кресле с удовольствием расположился не Сергей, как я предполагала, а совершенно другой человек. Вовка. Мой старший брат.

– Привет, сестрёнка! – одарил он меня лучезарной улыбкой и вскочил даже, чтобы обнять.

– Привет, братик, – сдавленно отозвалась я, поскольку братские объятия оказались уж очень сильными. – Ты меня сейчас задушишь.

– Прости, я просто очень рад тебя видеть, – извинился он, придавил меня ещё раз и только после этого отпустил.

Ага, рад он. С чего бы это, интересно? За последние десять лет мы ни разу даже не созвонились, поскольку моё поступление в институт родственники сочли бегством от семейных обязанностей. И позже даже мама по телефону разговаривала со мной так, будто я её чем-то смертельно обидела. А с братом и я общаться не хотела, и он особого желания обмениваться любезностями не проявлял.

Вовка – любимый маменькин сынок, у которого всегда какие-то проблемы, и которому все что-то должны. Ему почти восемь лет было, когда я родилась. Сам факт моего появления на свет стал для Вовочки сокрушительным ударом – теперь ведь родительскую любовь с какой-то малявкой делить придётся. Он всегда меня обижал. Возможно, именно он повлиял на отношение ко мне родителей – его любили, а я была изгоем. Ну или этому моя врождённая душевная пустота поспособствовала, не знаю. Так или иначе, но мы с братом друг

друга не то что недолюбливали – фактически ненавидели. А когда в родительской квартире ещё и его жена поселилась, моя жизнь стала абсолютно невыносимой. Я потому и уехала после школы учиться в другой город – хотела вырваться из душных объятий семьи, в которой меня не столько любили, сколько нещадно эксплуатировали. Тогда-то я и видела брата в последний раз.

Вовка сильно изменился. Сколько ему уже стукнуло? Тридцать шесть? Вроде молодой ещё, а на лице уже морщинки появляться начали. И мешки под глазами – либо пьёт, либо болеет. А взгляд как был приценивающимся и хитрым, таким и остался.

– Ты как меня нашёл? – спросила я, стараясь держаться от братика на безопасном расстоянии на случай, если ему опять вздумается обниматься.

– Добрые люди помогли, – беззаботно пожал он плечами в ответ, плюхнувшись обратно в кресло. – Ты же вроде как утонула. Без вести пропавшей тебя с нарушением сроков признали, а я нашёл человека, который мог бы это оспорить и добиться, чтобы ты официально считалась умершей, а не потеряшкой. Бардак там в вашем Мухино, конечно... Но зато я узнал, что нифига ты не утонула.

– И неожиданно вспылал ко мне братской любовью, – подытожила я. – Этот адрес только два человека знают. Не хочу думать о них плохо, поэтому скажи прямо, кто тебе его дал.

– Карпунин, – ответил за Вовку Власов.

Я и не заметила даже, что он пришёл в гостиную и слушает наш разговор – настолько была ошарашена визитом братца.

– Который из Карпуниных? – повернулась к мужу, чтобы видеть его глаза, когда услышу ответ.

Власов и Мирон – бизнес-партнёры. Олега Карпунина Толя побаивался, а Мирона уважал, но не так давно это уважение по объективным причинам приказало долго жить. Все совместные дела по бизнесу тоже уже должны были быть прекращены, хотя это и обещало немалые убытки. Насколько мне было известно, Власов намеревался продать свою фирму Мирону целиком, а в Тамбове открыть новую. Информация о нашем новом месте жительства могла как-то просочиться через это направление. Или Женька проболталась. Ну или...

– Олег продолжает за нами следить, – подтвердил мои опасения Толя. – Мне Мирон сказал. Я не хотел тебя огорчать, прости.

– То есть наш адрес ни для кого секретом не является, и покоя можно не ждать, да? – расстроилась я.

Что ни новость – всё камень на душу. Любвеобильная певичка из Дома Культуры, пауки, болотный дух в подвале, явление братца с непонятными намерениями, а теперь ещё и возвращение в нашу жизнь Карпуниных – ну почему опять всё одно к одному? Когда же уже можно будет вздохнуть свободно?

– Вы оба такие забавные, – осклабился Вовка. – Люди, которые хотят спрятаться, имущество и бизнес обычно на подставных лиц оформляют. В ЗАГСх и поликлиниках не отвечивают, а прописку делают на левые адреса.

– А у нас нет причин прятаться, – напрягся Власов, почувствовав в голосе моего брата насмешку.

– Тогда чего у Эльки такой вид, будто на неё только что свору собак натравили? – с усмешкой поинтересовался Володя. – Да вы не парьтесь, родственнички, я не проблемы создавать приехал. На поклон, можно сказать.

– И что тебе от меня опять нужно? – раздраженно спросила я.

– Понимаешь, тут такое дело... – начал он, но в этот момент в детской заплакал Владик, и окончание фразы я не услышала.

Пока меняла сыну мокрые ползунки на сухие, Власов с Вовкой успели немного поссориться – мне об этом Нефёд доложил. Толе не понравилось наглое поведение гостя, он попросил Володю вести себя корректнее и не борзеть, а тот заявил, что сам знает, как с сестрой разговаривать. И добавил, что я замуж за старого пердуна вышла только ради денег. Власов оскорбился. Выгнать наглеца не выгнал, хотя очень хотел, но предупредил, что это первый и последний визит моего родственника в наш дом.

Я бы тоже с удовольствием избавилась от незваного гостя как можно быстрее – он ведь хуже Карпуниных. У Вовки

феноменальная способность превращать мою жизнь в одну сплошную проблему. Не отстанет же, пока своего не добьётся. От болотного духа в подвале проще избавиться, чем от него. А если заговорил о деньгах, значит, поэтому и припёрся.

Выйти в гостиную с ребёнком я не рискнула. Позвала Толо, чтобы предотвратить надвигающийся скандал, и попросила поразвлекать сына, пока я буду выяснять, какая причина привела Владимира Алексеевича Климова в наше уже не убежище.

– В следующий раз я его с крыльца вниз головой спущу, – пообещал мне Власов, но просьбе не вмешиваться всё-таки внял.

А причина визита Вовки оказалась банальнейшей. Мать с отцом развелись два года назад. У мамы появился ухажёр – женщина она видная, квартира у неё трёхкомнатная... Со слов моего брата, мать на старости лет умом тронулась. Ей за полтинник уже, а на уме любовь какая-то. Замуж за хахалю этого собралась, а он не на неё, а на квартиру глаз положил. Своё-то жильё у этого коварного типа было, но он его продал, чтобы с долгами рассчитаться. Поселился у доверчивой женщины, детей и внуков её всячески притесняет и выселить пытается. Подбивает мать на размен жилья, чтобы отдельно жить. Трёхкомнатную квартиру без доплаты можно только на две однокомнатных обменять, а у Вовочки две дочки – старшая в этом году в первый класс пойдёт, а младшей че-

тыре годика всего.

– Мы вчетвером в однушке сдохнем, – пожаловался мне брат. – Там же развернуться негде будет. У матери для девочек хотя бы отдельная комната была. Я на этого урода заяву написал, что он извращенец и к моим дочкам пристаёт.

– А он реально извращенец? – без особого интереса спросила я.

– А нормальный человек будет детей жилья лишать? – ответил Вовка вопросом на вопрос.

– Между жилищными спорами и уголовкой большая разница, Володь, – заметила я. – Есть органы соцзащиты и опеки, куда с жалобой обратиться можно на ухудшение жилищных условий несовершеннолетних. А факт развратных действий ещё подтвердить надо. Это серьёзное обвинение.

– Я в курсе, но жалобами от этого козла не избавишься, – недовольно фыркнул он в ответ. – Я уже пытался через суд его выселить, но собственник-то не я. Они адвоката ушлого нашли, он всё с ног на голову перевернул. Мать после этого сказала, что теперь точно квартиру разменяет.

– А я-то к этому всему какое отношение имею?

– У тебя дом есть, в котором какой-то чужой старик живёт, – наконец-то услышала я главное.

И не только это. Оказывается, моим родственникам сообщили о том, что я вроде как утонула, но потом забыли сообщить о благополучном «воскрешении». Ещё зимой, когда я искала способ вернуть Власову душу, Вовка надумал забрать

мою старенькую машину. Нашёл юриста, который докопался до незаконности слишком быстрого признания меня без вести пропавшей. Через суд они хотели добиться того, чтобы я официально была признана умершей – не всплыла ведь за полгода, и есть туристы, которые видели момент утопления. Тогда-то Вовочка и выяснил, что я жива, здравствую и даже собираюсь родить ему племянника. И про дом в Мухино, естественно, он тоже информацию нарыл – Власов ведь на моё имя эту недвижимость купил. А весной мы уехали, дом оставили «какому-то чужому старику», но без перепродажи. И это при том, что у моих родственников глобальные жилищные проблемы.

– И ты хочешь, чтобы я отдала этот дом тебе? – насмешливо уточнила я.

– Да на кой мне этот Мухожуйск сдался? – скривился Вовка. – Дом продать можно, я его стоимость узнавал. Если мать квартиру в итоге разменяет, то однушку мы потом продадим, деньги с продажи твоего дома добавим, и можно будет нормальную квартиру купить.

«Наглость – второе счастье», – подумала я, а вслух спросила:

– А ты, братик, ничего не путаешь? С какой силой мне надо головой стукнуться, чтобы захотеть принимать в этом участие? Я тебе ничего не должна, извини. Проблемы твои решать я не буду. Ипотеку никто не отменял, а стоимость однокомнатной квартиры можно использовать как залоговую.

Начни уже как-то сам шевелиться, а не за счёт других выезжать. Привык на всём готовом жить.

– Значит, тебе наплевать на то, что завтра твои племянницы могут на улице оказаться? – зло поинтересовался брат.

– А почему мне должно быть не наплевать? – со скучающим видом спросила я. – Я только что узнала о том, что у меня есть племянницы, и полюбить их как-то ещё не успела. Да и ты моей жизнью не особенно интересовался, пока не припёрло, поэтому не надо козырять маленькими девочками и давить на жалость. Дверь там. И дорогу сюда забудь, пожалуйста.

Я указала рукой в сторону прихожей, стараясь оставаться спокойной и не взорваться от возмущения. Нет, ну насколько самоуверенным нужно быть, чтобы думать, что я немедленно вприпрыжку брошусь продавать своё имущество? И ради кого я должна это сделать?

Гневно сузив глаза, Володя встал и сквозь зубы осведомился:

– Вот так, да?

– Да, вот так, – уверенно кивнула я, продолжая указывать на дверь.

– Хорошо, – многозначительно прозвучало в ответ.

«Гад, даже не разулся, когда в дом зашёл», – подумала я, провожая его взглядом. Он ещё и входной дверью хлопнул с такой силой, что в доме все стёкла задрожали.

– Вернуть ему объективное восприятие реальности? –

предложил Власов, выйдя из детской с Владиком на руках. – Я всё слышал.

– Это врождённое искажение, оно не исправляется, – сердито проворчала я в ответ. – А ты сыном специально прикрываешься, да? Боишься, что я наору из-за того, что ты мне про Карпунина не сказал?

– Ага, – широко и искренне улыбнулся Толя. – Тебя же сейчас разорвёт от злости. Я уже и забыл, когда в последний раз тебя такой разъярённой видел. Чур мальчиков не бить, мы с Владькой в домике.

И совершенно по-детски одной рукой изобразил над своей головой крышу. Ну вот как на него злиться? И за что? Власов от всего меня оберегает в меру своих сил и возможностей. Жаль только, что от дара моего уберечь не может, а душевная пустота как-то уж слишком активно начала притягивать неприятности. Осталось надеяться, что это уже ягодки, а не цветочки. От Вовки ведь чего угодно ждать можно. Он как ураган – на пути к цели безжалостно сметает любые препятствия. Спроси меня о его достоинствах – ни одного припомнить не смогу. Ещё и об этом теперь думать, а у меня болотник в подвале неизгнанный.

– Схожу в лес, пока достаточно злая, – сообщила Власову о своём решении. – Наору на лешего и потребую, чтобы он вернул Степану жилплощадь. Как там у Булгакова? «Они обычные люди, но квартирный вопрос их испортил»?

– Не дословно, но примерно так, – кивнул Толя, проводил

меня до двери и попросил: – Сильно только там не ори, а то мужики с лесопилки спасать прибегут.

– Кого? Лешего? – насмешливо фыркнула я и отправилась воплощать свой замысел в жизнь, пока настроение располагало к разборкам и членовредительству.

Глава 6. Неудачная прогулка

Мизгиревка – село небольшое. Центральная улица одна, и по ней можно проехать через весь населённый пункт насквозь. Она так и называется – Центральная. Есть ещё шесть улочек, которые её пересекают, и четыре переулка. Население представлено в основном пенсионерами, но и молодые семьи здесь тоже живут. На всё это великолепие приходится два продуктовых магазинчика, график работы которых оставляет желать лучшего, а ассортимент рассчитан на скромный доход населения. Но это ерунда – до Мичуринска всего пятнадцать километров, и при наличии автомобиля проблема с продуктами и хозяйственными надобностями решается просто. А ещё в Мизгиревке есть сельская администрация, в которой работают всего две важные дамы, и небольшой клуб, гордо именуемый Модельным Домом Культуры. И памятник воинам ВОВ тоже есть – он возле администрации находится.

В центре всё чистенько и ухожено, трава вдоль дороги даже рядом с заброшенными домами выкошена – администрация порядок поддерживает. А на боковых улицах его поддерживают хозяева домовладений, поэтому возле заброшек буйно колосятся сорняковые заросли. Наша улица крайняя к лесу, самая короткая, и заброшенных домов на ней нет, но есть пустующие участки, которые либо используются под

огороды, либо служат пастбищами для коз и барашков. Корову я там только одну видела – соседскую.

Соседи у нас хорошие – пенсионеры Вера Ивановна и Николай Романович. Обоим уже за шестьдесят перевалило, но они бодрые и очень отзывчивые. Вера Ивановна, например, мне каждое утро парное молоко приносит, а от денег отказывается – говорит, что не в деньгах счастье. И эти соседи даже не рядом с нами живут – между нашими домами ещё два огорода расположены, принадлежащие горожанам, которые приезжают только по выходным на сельхозработы. По другую сторону соседей нет, там тоже пара огородов и большой пустырь, а через дорогу – старый яблоневый сад. Настолько старый, что большинство яблонь в нём уже давно высохли, а под деревьями дикой поросли полно. Вера Ивановна сказала, что сад этот раньше частнику какому-то принадлежал, и всё было ухожено, но потом хозяин умер, и яблоки стали никому не нужны. Ну как не нужны – местные на корм скоту собирают, а приезжие, бывает, вёдрами вывозят, потому что здесь бесплатное добро гниёт, а в городе на рынке за него платить надо. Ухаживать за деревьями при этом не надо никому – не своё, поэтому не жалко.

Для того, чтобы попасть в лес, мне нужно было дойти до конца сада, там свернуть на грунтовку, которая ведёт к реке, пройти с полкилометра до моста, а потом топать через поле ещё минут пятнадцать. Есть и другая дорога, асфальтированная, но она гораздо длиннее и ведёт к лесопилке. Ле-

сопилка – предприятие действующее. Я тонкостями не интересовалась, но Власов говорил, что там доску купить проще, чем с доставкой из города. А ещё там из отходов щепу производят. И вроде бы всё законно, с лицензиями, разрешениями и прочими необходимыми документами. С одной стороны это, наверное, хорошо, но только для владельца лесопилки и тех, кто там зарплату получает. Рабочие места – это важно. А мне лес жалко. Ну не верю я, что деревья вырубают строго по разрешениям. Законные делянки, возможно, и есть, но кушать всем хочется, поэтому иногда на несанкционированную вырубку можно глаза закрыть, чтобы выгоду не упустить. А этот лес вообще, если верить Интернету, частично относится к памятникам природы, поэтому не совсем понятно, кто разрешает здесь вырубку и существование деревообрабатывающих предприятий.

Вот как меня природная магия наизнанку вывернула – раньше как-то до фонаря было, что с лесами и реками творится, а теперь всё жалко. Даже садовые деревья спиливать жаль, не говоря уже о лесных. У нас на участке сад – вишни, яблоньки, сливы. Деревья молодые ещё, но им всё равно обрезка требуется, чтобы плодоносили нормально, а у меня рука не поднимается живые ветки секатором кромсать. Если природа решила, что эти веточки должны расти, то кто я такая, чтобы спорить? Садовник из меня теперь точно никакой, поэтому придётся кого-то нанимать – запускать-то сад тоже нельзя. Ну или Власову позволить к насаждениям руку

приложить, он об этом уже не раз разговор заводил.

Я не думала, что Толя настолько хозяйственным окажется. Он всю жизнь в квартирах жил, в городах, а его работа ну никак не касалась домоводства и сельского хозяйства. А тут его как прорвало. На свободу вырвался. Если бы не необходимость часто мотаться в Тамбов, он бы, наверное, к вечеру в дом на четвереньках заползал от усталости. То колотит что-то, то пилит, то планы какие-то чертит. Инструмента всякого накопил столько, что скоро к гаражу пристройку делать придётся, чтобы всё это где-то хранилось. Если бы не сырость в подвале, Власов бы уже давно там свалку оборудования организовал. Триммер даже купил бензиновый и газонокосилку электрическую – на участке порядок поддерживать. Прежние владельцы газонной травой весь сад засеяли, она высокая не вырастает, а он всё равно постоянно что-то косит то в одном углу, то в другом. И предлагает когда-нибудь в перспективе ещё и яблоневый сад выкупить, а то «бардак глаз режет». Спасибо, что огород не просит, хотя меня не отпускают подозрения, что рано или поздно дойдёт и до этого – свои-то огурчики и помидорчики вкуснее покупных.

* * *

Пока шла к лесу, наслаждаясь живописными сельскими пейзажами и размышляя на отвлечённые темы, злость во мне клокотать перестала, и орать на лешего расхотелось. Во-первых, не факт, что он вообще со мной разговаривать захо-

чет. Во-вторых, начинать знакомство со скандала как-то не слишком этично. А в-третьих, я ведь не знаю, какой у этого лесовичка характер – а ну как уронит на меня дерево, чтобы не шумела. С нежитью так нельзя, особенно с лесной. Даже к врединам-моховикам подход искать нужно. Мне ведь не с руки ссориться из-за болотного духа с остальными мифическими обитателями этих мест.

А лес у нас красивый, хоть и не совсем дикий. По краю тянутся дубовые посадки. Ширина у этих посадок разная, и в настоящий лес они переходят постепенно – сначала в смешанный, а дальше начинается сосновый бор. Есть небольшая берёзовая рощица и узкая полоска высоких осин – Вера Ивановна говорит, что там по осени грибов много. А подлесок густо орешником зарос – не продерёшься. От поля лес дорогой отрезан, но через кусты есть несколько съездов, по которым из-за ухабин мало кто ездит. Да и куда ездить-то? Турбазы дальше расположены, где река изгиб делает, и к ним от лесопилки нормальная дорога есть, а здесь разве что грибники-ягодники чем-то разжиться могут. Орехами, например, но они только осенью созревают. Чернику тоже найти можно, но соседка сказала, что за ней далеко идти надо. Малина есть, куманика. За лисичками в это время обычно много любителей тихой охоты приезжает, но лето засушливое выдалось, поэтому грибов нет почти. И на бруснику урожая не будет – цвела плохо, ягод мало.

Проще говоря, шанс встретиться с лесу с другими пред-

ставителями рода человеческого для меня был минимальным. Ещё и время к полудню приближалось – все нормальные грибки и ягодники уже давно по домам от жары спрятались. Я и сама обрадовалась, когда с дороги под лесные своды нырнула – чуть не зажарилась, пока топала сюда. Свернула в первый же поросший травой съезд, остановилась, отдышалась, осмотрелась...

– Привет, лес! – говорю.

– Привет! – весело ответил мне кто-то из ближайших кустов мужским голосом.

Я аж присела от неожиданности. Присмотрелась – нет никого. Лесная нежить вот так вот сходу здороваться не станет – она осторожная и не слишком общительная. Да и не нежить это была. Я-то поверху смотрела, на уровне человеческого роста, а мужик, который со мной поздоровался, на земле за большим муравейником лежал – я его только тогда заметила, когда он зашевелился, вставая. Высокий, худощавый, а возраст из-за густой чёрной бороды определить сложно – лет сорок, наверное, или около того.

– Извини, не хотел напугать, – виновато улыбнулся он мне.

– Да я не испугалась, – соврала я. – Странно просто, когда лес тебе на приветствие сразу же вот так отвечает. Обычно только птички щебечут и комары пищат. А вы местный?

– Не совсем. А что? Заблудилась?

Я подумала немного и призналась:

– Мы недавно в Мизгиревку переехали, я тут пока не знаю ничего, а мне к Лисьему Логу попасть надо.

– Это к болоту что ли? – уточнил он.

– Угу, – кивнула я.

Незнакомец оглядел меня с ног до головы оценивающим взглядом и скептически поинтересовался:

– Ты в таком виде туда идти собралась?

Ну да, в шортах, майке и тапочках-сланцах шастать по болотам странно. Да я ведь и не собиралась туда идти – хотела просто по дороге немного в лес углубиться и там лешего позвать. А про болото просто так спросила – интересно ведь, где оно находится. Но не признаваться же в этом непонятно кому, правильно?

– А надо было в бальное платье нарядиться? – ответила я язвительным выпадом на насмешку.

Умный собеседник попался, понятливый. А главное – хорошо осведомлённый. Улыбаться он перестал, выбрался из кустов на дорогу, стряхнул с камуфляжных штанов и куртки пыль и мусор и начал объяснять мне маршрут.

– Вернись обратно к мосту и там на развилке сверни направо.

– Там нет развилки, – поставила я его в известность.

– Есть, но он заросла, – возразил он. – Там тропинку видно, вот по ней и иди. Метров через триста тропинка снова вправо свернёт, потому что дальше как раз болото начинается. Там осока и сыро, так что не ошибёшься. Только в такой

одежде тебя комары до костей сожрут раньше, чем ты туда дойдёшь.

– Спасибо, – коротко ответила я, не желая тратить время на препирательства относительно того, съедят меня комары или нет.

Повернулась к незнакомцу спиной и пошла обратно к полю. На провожатых не рассчитывала – сама справлюсь как-нибудь. Вернулась по пыльной дороге к мосту, отыскала упомянутую тропинку, сделала несколько шагов и вернулась, потому что упёрлась в заросли крапивы. Год назад меня бы это не остановило, но теперь-то многое изменилось. Теперь для меня и вода мокрая, и земля твёрдая, и крапива кусачая. Постояла немного в задумчивости, пытаюсь понять, зачем я вообще в эти дебри полезла, а потом осознала, что зверски хочу пить – жарко же, а я воды с собой не взяла. В речке вода хоть и относительно чистая, но этот спасительный вариант мне не подходит – вдруг инфекцию какую-нибудь подхвачу, а мне ребёнка кормить надо. Ещё и молоко прилило – ну всё против того, чтобы я в болото лезла. Пришлось возвращаться домой.

Шагаю по улице торопливо, от жажды страдаю, о стакане холодной воды мечтаю... Уже почти до дома дошла, когда голоса услышала, из нашего двора доносящиеся – Власова и женский.

– Там работы не очень много, просто сейчас лето, люди в отпуска уехали, и помощников не хватает, – сладко щебетала

сотрудница Дома Культуры Галина Львовна. – А Гаврилыч в запой ушёл. Он у нас вроде как декоратор, но на общественных началах, поэтому сам себе хозяин. Инструменты и материалы все есть, надо просто конструкцию собрать.

– Насколько это срочно? – деловито уточнил Толя.

– Ну праздник в субботу, сегодня среда... Чем быстрее, тем лучше. Нам же это всё ещё и украсить надо. Ты если днём занят, вечером приходи. Я и ключ могу оставить, если допоздна задержаться надо будет.

«Когда это, интересно, они на «ты» перейти успели?» – снова начала я злиться. Вот так уйдёшь из дома на час, а у тебя в это время мужа из семьи уведут. Кошмар! И ведь время-то рабочее – Галине Львовне полагается в кабинете сидеть и о культурной жизни села думать, а не искать помощников по чужим дворам.

– День добрый! – поздоровалась я громко, стараясь не выдать, насколько раздражена.

– Ой, Эля, здравствуйте! – фальшиво улыбнулась мне гостья. – А я вот к вашему мужу с просьбой пришла. Представляете, у нас к празднику села декорации собрать некому. Мужики все вымерли. Спасибо Анатолию Павловичу, что хоть он в помощи не отказал.

Она красивая женщина, яркая. Подать себя умеет, за внешностью следит тщательно. Так вот посмотришь со стороны и не скажешь, что ей уже под пятьдесят – стройная, изящная, щёчки розовые, зубки ровные, морщинки под кос-

метикой спрятаны, седеющие волосы в натуральный каштановый цвет окрашены. И ведь ничего плохого эта женщина мне не сделала, но после предупреждения соседки видеть её рядом с Власовым было неприятно. Они ведь по возрасту друг другу больше подходят, а для Толи наша разница всегда была большой темой.

– А моя помощь не нужна? А то я тоже могу поучаствовать, – вполне безобидно предложила я, хотя горела желанием спустить Галину Львовну с крыльца, как раньше Власов обещал проделать это с моим братом.

– Ой, женских рук у нас хватает, – отмахнулась она от моего щедрого предложения. – Да у вас и ребёнок ведь, забот и так предостаточно.

– А мужа моего, значит, ребёнка нет? И к нему можно на «ты» обращаться только тогда, когда я поблизости не отсвечиваю?

Не выдержала, сорвалась. У Власова от удивления отвисла челюсть. У Галины Львовны лицо тоже вытянулось, но она быстро взяла себя в руки, вежливо попрощалась и с оскорблённым видом наконец-то убралась с моих глаз.

– И как понимать этот приступ ревности? – спросил Толя после того, как за гостьей закрылась калитка.

– Как хочешь, так и понимай, но я бы предпочла, чтобы ты контактировал с этой дамой поменьше, – высказала я пожелание перед тем, как вошла в дом.

Нет, ну а что? Мне же надо как-то свои интересы защи-

щать, а то в свете последних событий уже и не знаешь, откуда ждать подвоха.

Глава 7. Ужин с горчинкой

Власов обиделся – не из-за моего неприличного поведения, а потому, что я в нём усомнилась. По его мнению, ревность происходит не из большой любви и собственнических инстинктов, а из неуверенности в себе и в чувствах партнёра. Пришлось объясняться. Рассказала ему о предупреждении соседки, а он мне в ответ:

– Одна баба из зависти языком мелет, а другая по глупости из смолотого пироги печёт.

Посмотрел на меня сердито и ушёл в гараж что-то мастерить. «Ну и дуёся на здоровье», – мысленно разрешила я, накормила Владика и занялась домашними делами.

В гараже Власов просидел до вечера. Я за это время успела с коляской до магазина прогуляться за хлебом, ужин приготовить, изучить топографическую карту Мичуринского района и придумать уйму причин тому, почему надо мной опять сгущаются тучи неприятностей.

Всё ведь было замечательно после того, как родился Владик. Мы с Толей эти четыре месяца душа в душу жили, понимали друг друга с полуслова и задачки, которые подкидывала нам жизнь, тоже решали вместе. Но стоило мне принять решение о возвращении в мир магии, как сразу же всё начало рушиться. Возможно, это банальное стечение обстоятельств – чёрная полоса, которую нужно просто пережить.

А если нет? Пока я была ведьмой, на меня проблемы сыпались с интенсивностью ливня. И страдала от этих проблем не только я – Власову тоже постоянно доставалось. Да, Фроська говорила, что во всём виновата зависть Белены, но теперь-то кто виноват? Мы с Толей не ссорились никогда. Даже если я психовала, он находил способ вернуть мне нормальное расположение духа. Он всегда был спокойным и рассудительным. Ну не могла я глупым припадком ревности так сильно его обидеть. Это просто невозможно. Или я плохо знаю своего мужа.

Вот что мне делать? Отказаться от своего решения относительно колдовства и магии? Что это даст? Болотник сам уйдёт, у Вовки совесть проснётся, а Галина добровольно от Власова отвяжется? Что-то с трудом в это верится. А если она его уже приворожила, и поэтому он так себя ведёт? Я ведь не вижу приворот, не чувствую.

К ужину уговорила Нефёда внимательно присмотреться к Власову – нет ли на нём какого-нибудь колдовства. Домовой в качестве оплаты за эту услугу потребовал пять вафельных тортиков. Сошлись на двух. Я стол накрыла и пошла звать Толю, но обнаружила, что в гараже никого нет. Он ушёл и даже не предупредил. Куда ушёл? В ДК, конечно же. Куда ему ещё идти? Больше ведь никуда не звали. И сунешься туда – позора потом не оберёшься. Люди-то разные, всякое подумать могут. Галина наверняка уже всем своим знакомым на меня нажаловалась, а сплетни быстро разлетаются.

К десяти часам вечера я накрутила себя дурными мыслями до такой степени, что готова была разреветься. Владик моё настроение чувствовал и капризничал. Нефёд философски намекал на то, что мужиков вокруг много, и я без Власова не пропаду.

Вернулся Толя в половине одиннадцатого – грязный по самые уши, уставший, но донельзя довольный.

– Тебя где валяли? – подозрительно нахмурилась я.

– Соседям помогал колодец чистить, – со счастливой улыбкой сообщил он. – Меня Николай Романович позвал. Я думал, что там работы на полчаса, поэтому и не сказал тебе ничего, а провозились до темноты.

– Зачем им колодец, если есть водопровод? – непонимающе моргнула я.

– На полив воду качают, – пояснил Власов, стаскивая с себя грязную футболку. – По счётчикам полив дорого обходится, вот люди и выкручиваются, как умеют. Всё, я в душ.

И ушёл мыться. А я так и стояла посреди гостиной, чувствуя себя полной дурой. Хорошо ещё, что не начала с порога претензии выкатывать, а то совсем бы позорище было. Ещё и Нефёд масла в огонь моего стыда подлил:

– Нет никакого колдовства, хозяйка. С тебя три тортика.

– Мы на два договаривались, – напомнила я кисло.

– Ну так на два было за то, что во время ужина присмотреться надо, а время-то уж вон какое позднее. У меня дел тоже невпроворот, каждая минутка на счету.

Вот кого Власову в бизнес-партнёры брать нужно – с таким подходом фирма точно никогда банкротом не станет.

Позже за ужином Толя подал идею – вырыть и нам на участке колодец, чтобы выселить туда болотника. Так и быстрее получится, и проще, а то с моими темпами постижения магических наук к нам в подвал вся нежить на зимовку припрётся.

– Мне почему-то кажется, что этому духу не жильё нужно, а совсем другая помощь, – высказала я свои сомнения. – Он сам сегодня пообещал уйти. Видимо, есть и другие места, где он жить может. Это ведь Нефёд сказал, что болотнику жить негде, а он тот ещё сказочник. Да и в остальном... Если Степан своим ходом от болота до деревни дотопал, то что ему мешает уйти к полю, где его Аннушка обитает? Можно ведь и не на самом поле болота разводить, а поблизости где-нибудь, в овражке. Места-то ему много не нужно. А ещё я сегодня в лесу у первого встречного про Лисий Лог спросила, и он сразу же понял, что речь о болоте. Выходит, местные знают историю своего края, а Нефёд вещал, что о той деревне уже никто и не помнит даже.

– Элька, когда ты перестанешь верить всему, что слышишь? – со вздохом поинтересовался Власов. – Соседям, домовому, первым встречным... В Лесном тебя обманывали все, кому не лень, и Мария эта ещё потом. Ты как ребёнок, правда. Пальцем помани, сказку Расскажи, на опасность намекни – ты и мчишься немедленно что-то делать, куда-то

свой нос совать и во всех подряд врагов видеть. С фактами работать не пробовала?

– А разве наличие у нас в подвале болотника фактом не является? – уточнила я удивлённо.

– Это факт, да, – согласился Толя. – Ты этого болотника своими глазами видела. А реальную причину, по которой он здесь оказался, ты выяснила, прежде чем на лешего с кулаками набрасываться?

– Нефёд сказал...

– Я не спрашиваю, о чём тебе сказал домовой, – оборвал Власов моё оправдание на полуслове. – Он одно сказал, болотник другое скажет, леший – третье, первый встречный – четвёртое. Каждый истину по-своему нарисует, и ты опять запутаешься. Твоя проблема сейчас в чём? В том, что у нас нежить в подвале поселилась, или в том, что у этой нежити тоже проблемы есть? Чью проблему ты намерена решать – его или свою?

– Свою, но...

– Без «но», – снова не дал он мне договорить, причём довольно резко. – Мне Вера Ивановна весь вечер по ушам ездила сказками о том, какая Галина нехорошая. Двух мужей со свету сжила, со всеми местными мужиками переспала, с бесами дружбу водит, приворотами не брезгует, всех приворожённых под пятой у себя держит, а кто неугодным становится, того прочь гонит. И мрут эти бедолаги от любви безответной, как мухи. Просто чудовище какое-то, а не женщи-

на. Судя по твоей сегодняшней выходке, соседка наша и тебе нечто подобное наплела. И у меня теперь вопрос, Эля – ты всех местных мужиков от этого зла спасти намерена или только меня?

Я не нашлась, что ответить. Власов никогда на меня голос не повышал. Даже не знаю, что хуже – его обида или гнев. И ведь так спокойно этот разговор начинался, что я даже расслабиться себе позволила, а оно вон как повернулось.

– Эль, я готов принять твоё намерение вернуться в мир колдовства и магии, но не так, как ты это делаешь, – продолжал тем временем мой рассерженный супруг. – Во-первых, ты сама говорила, что способностей у тебя нет, а без них ты даже домового видишь только тогда, когда он этого хочет. Если меня и правда кто-то приворожит, как ты это поймёшь?

– Нефёд видит, – уныло отозвалась я.

– А есть гарантия, что он не соврёт?

– Нет.

– Ну тогда объясни, пожалуйста, как и с чем ты собираешься бороться, если проблема существует только на словах? Ты её видишь? Нет. А если начнёшь что-то делать, то как оценишь результат? Где гарантия, что колдовством, к которому у тебя даже способностей нет, ты не навредишь безвинному человеку?

– А ты уверен, что она безвинная? – огрызнулась я.

– А мне до неё вообще никакого дела нет, – парировал он. – Я просто не хочу, чтобы ты самобичеванием занима-

лась после того, как незнакомого человека ни за что угро- бишь. Болотник в подвале – это факт, а коварные намерения Галины – просто сплетни. Вот когда они станут очевидным фактом, тогда уже другой разговор будет, а пока я тебя толь- ко об одном прошу – не делай глупостей, пожалуйста. Хо- чешь магии учиться? Учись, если тебе это необходимо, но руководствуйся при этом не сказками и сплетнями, а факта- ми. Над нежитью какие угодно эксперименты ставь, а живых без причин и доказательств какой-то вины не трогай, поня- ла?

– А то что? – не удержалась я от вопроса.

– А то мы с тобой разведёмся, я отсужу сына, и ты по- лучишь полную свободу действий. Хоть ведьмой становишься, хоть чёртом лысым, но без моего участия. Спасибо за ужин.

Вот так. Допрыгалась. И сделать ещё ничего не успела, да- же толком не обдумала, а мне уже муж любимый такие усло- вия ставит. И не сказал ведь «мы поссоримся», а сразу раз- водом пригрозил.

Нет, он прав, безусловно – магия не игрушка, и мы оба уже неоднократно в этом убедились. Оба пострадали так, что больше не хочется. Но можно же было в какую-нибудь дру- гую форму свой протест облечь? Зачем так наезжать-то? Я же не дура, чтобы бездумно лезть в то, чего не понимаю. Хо- тела для начала обереги просто сделать – элементарные ве- щи, в которые нужно не магию вложить, а только душу и на- мерения. Не с кулаками на неведомых врагов набрасываться,

а щитом семью от вероятного зла прикрыть.

«Он боится, а признавать это не хочет», – наконец-то дошло до меня. Не того боится, что я наврежу Галине или ещё кому-нибудь, а колдовства в принципе. После всего пережитого было бы странно не бояться. Я тоже боюсь. Мы ведь вместе решили, что в нашей жизни магии больше не будет. Может, она и не нужна? Живут же как-то люди без неё. Долго живут и счастливо. А я знаю, что с колдовством проще, поэтому и сую снова свою голову в этот хомут. Страшно, но лезу. А Власов этого не хочет. Он нормальную семью хочет. Нормальную жизнь. И я такой жизни хочу, да только вот не получается – Галина, может, и не злодейка, но болотник-то в подвале точно есть. И появился он в нашем доме неспроста. И не факт, что завтра ещё какой-нибудь незванный сказочный гость к нам не нагрянет. Чупакабра какая-нибудь, но уже не за помощью, а с недобрыми намерениями. А всё почему? Да потому, что бывших ведьм не бывает, и Власов сам это мне недавно говорил. А раз так, то у меня и выбора-то особого нет.

Глава 8. По доброте душевной

Этой ночью мы первый раз спали по разные стороны кровати. Власов повернулся ко мне спиной и отодвинулся, а у меня было такое чувство, будто бы я совершила что-то ужасное, но сама не знаю, что именно. Обидно и неприятно – я ведь ничего плохого не делала. Нагрубила малость незнакомому человеку, но это ведь не преступление. При этом Толя спал без задних ног, а я заснуть не смогла. Тарасилась в тёмный потолок, гнала от себя дурные предчувствия, а потом не выдержала и ушла к Владику в детскую – там тоже кровать есть, и атмосфера не настолько тяжёлая с моральной точки зрения.

Владик не спал – лежал тихонько и улыбался погремушке-подвеске, которая медленно кружилась над ним, но встроенную мелодию не проигрывала, а только пощёлкивала заблокированным механизмом. Эта игрушка не крутится сама по себе, она кнопкой включается. И одновременно с движением начинает играть музыка. А свет в детской оказался выключенным, хотя я всегда оставляю лампу, чтобы ребёнок спросонья не испугался темноты – Владик кричать начинает, если ночью просыпается, а в комнате темно. Темноты-то уже сильной не было, потому что летом светает рано, но всё равно что-то не то.

– Нефёд, ты издеваешься? – негромко проворчала я, ре-

шив, что это домово́й развлекается подобным образом.

Нефё́д не отозвался, а Владик, услышав мой голос, сразу начал пыхтеть и активно сучить ножками и ручками – обрадовался, что мама пришла.

– Привет, моё солнышко, – улыбнулась я и на ощупь определила, что мой ребёнок уже успел не только проснуться, но и справиться в ползунки все детские нужды.

Тоже странно – он в плане чистоты и сухости очень требовательный. Я месяцев с трёх начала по тональности крика различать, когда дитя́тко проголодалось, а когда оно требует, чтобы мама немедленно сменила пелёнки. Судя по содержанию ползунков, Владик уже давно должен был возмущённо вопить, а не улыбаться. И соска на полу валяется, а её утрата – это вообще катастрофа.

Подняла соску, включила свет и вынула сына из кровати, чтобы помыть и переодеть. Он со счастливой улыбкой немедленно поймал пальчиками мои волосы и потянул в рот.

– Не-не-не, дорогой. Это кака, – запротестовала я, отобрала у него прядь и строго нахмурилась. – Нельзя каку в рот совать.

Владик удивлённо распахнул глаза, скривился и вознамерился выразить своё недовольство громким криком.

– Орать тоже нельзя, – быстро сориентировалась я, облизала соску и сунула её сыну в рот.

Соска снова полетела на пол, а Владька всё-таки разревелся. Возле кровати кто-то тяжело вздохнул, а потом прозвуч-

чало:

– И ведьма из тебя никакая, и хозяйка, и жена, и мать тоже.

От звука этого знакомого голоса волосы на моей голове выпрямились во всю длину, правый глаз нервно дёрнулся, дар речи на несколько мгновений отнялся, а инстинкт самосохранения заставил прижать ребёнка к себе, в результате чего Владик заорал ещё громче. Утренний сумрак рядом с кроватью сгустился, и из него материализовалась Белена – бледное, полупрозрачное, зыбкое видение.

– Ты чего пугливой-то такой сделалась? – удивлённо вскинула она светлую полосу брови. – Призраков что ли бояться начала?

– Т-т-ты... Ты же упокоилась! – истерично взвизгнула я и попятилась к двери.

– Да куда там упокоиться с таким-то грузом грехов на душе? – усмехнулась мёртвая ведьма. – Ты дитё-то так к себе не жми, а то задушишь. И сраку ему вымой – там, поди, уж засохло всё. Давно обделался-то. Второй час уж его развлекаю, чтоб вам поспать дал спокойно хоть немного.

Дверь в детскую распахнулась, и на пороге появился взъерошенный Власов – его крик сына разбудил. С реакцией у Анатолия нормально всё – на мгновение всего замер, когда призрак Белены увидел. А потом выругался некрасиво, выдернул из моих рук вопящего ребёнка и снова исчез за дверью.

– Толя! – ринулась я следом, но дверь захлопнулась прямо

у меня перед носом.

Я и за ручку дверную дёргала, и кулаками барабанила, и требовала у Белены, чтобы она меня выпустила, но призрак с невозмутимым видом продолжал стоять у кровати и вращать полупрозрачным пальцем выключенную погремушку. Когда за окном послышался шум двигателя, и листва на деревьях озарилась светом фар, у меня началась настоящая истерика – Власов уезжает и увозит моего ребёнка! Хотела было через окно на улицу выскочить, но открыть его тоже не получилось. Разбить стекло нечем – головой не рискнула, а тумбочку подняла немного, не удержала и на ногу себе уронила. И Власова не остановила, и сама покалечилась – пару пальцев на правой ступне точно сломала. Села на пол, вцепилась в пострадавшую ногу и взвыла – не столько от боли, сколько от отчаяния.

– Всё, утомилась? – спокойно осведомилась Белена. – А теперь меня послушай.

– Да пошла ты в Ад! – рявкнула я на неё, давясь слезами.

– Ещё чего! Я как раз от него и бегу, – сообщила она. – Перед тобой виновата шибко, прощение заслужить надобно.

– Прощение?! – возмутилась я. – Ты год моей жизни в бесконечный кошмар превратила! Ребёнка моего убить хотела. Меня, Власова! И сейчас опять... Уйди, пожалуйста, с глаз моих! Навсегда! Ни видеть тебя не хочу, ни слышать!

– А семью сохранить хочешь? Что сын твой с особенным даром родился, знаешь? Кому обжора-домовой служит, ве-

даешь?

– Замолчи! – крикнула я, перестала баюкать ногу и зажала руками уши.

Долго так сидела – раскачивалась из стороны в сторону, рыдала, себя жалела. Всё пыталась понять, кому я опять на хвост наступила. За что мне снова вот это всё? Успокоилась, когда за окном уже совсем светло стало, а острая боль в сломанных пальцах сменилась пульсирующей, и нога начала распухать. Посмотрела на Белену ненавидящим взглядом и потребовала:

– Уйди.

– Да никуда я не уйду, – нагло заявила она. – Давай ногу-то выправлю, а то пальцы вон уже на сливы похожи. А потом потолкуем спокойно. Тебе всё одно придётся меня выслушать, ежели хочешь дитё своё от большой беды уберечь.

– Страшнее тебя я беды не знаю, – огрызнулась я злобно. – Чего тебе на том свете спокойно не живётся? Мало крови моей попила, так теперь на ребёнка глаз положила? И как удачно появилась-то! Аккурат в разгар сезона новых неприятностей! А может, ты все эти неприятности и организовала, а?

Белена наконец-то перестала крутить погремушку, склонила призрачную голову к плечу и посмотрела на меня сочувственно.

– Ты ж вроде на ногу тумбочку-то уронила, а не на башку свою дурную. Говорю же, что с добром пришла, а не с дур-

ными намерениями.

– Ты?! С добром?! А я такая наивная, что сразу же тебе поверила, да?

Так мы обменивались любезностями ещё минут двадцать. За это время я успела не только вылить на голову бывшей подруги тонну гадостей, но и подняться с пола, допрыгать на здоровой ноге до двери, и ещё раз попытаться выйти. Так старательно пыталась, что оторвала дверную ручку, не устояла на ноге, грохнулась и к имеющимся увечьям заполучила ещё и ушибленный локоть. Белене этот цирк со злым клоуном, видимо, надоел – парой простеньких заклятий она меня обездвижила и заткнула мне рот, после чего, громко сетуя на несносность некоторых представителей рода человеческого, приступила к исцелению моих травм. Ушибы – это ерунда, а вот вправлять и сращивать сломанные косточки больно. Я бы заорала, да только голос у меня отняли.

– Ну вот и всё. Как новенькая, – с довольным видом осмотрела ведьма результат своих усилий. – А теперь слушай меня внимательно, дурочка бесноватая. Правду ты знаешь, да не всю. Да, я ложью тебя окружила. Да, смерти тебе и ребёнку твоему желала. О себе пеклась, ни с чем и ни с кем не считаясь. Посмертия долгого хотела, а не упокоения. Слов, Пелагеей мне в лицо брошенных, боялась. Много зла тебе и другим причинила. Каяться не буду, потому как ещё раз всё то же самое сделала бы, если б остался хотя бы мизерный шанс покоя вечного избежать. Нет у меня такого шанса

теперь, но есть выбор – в Ад отправиться, куда ты меня так яростно посылаешь, и там за грехи свои вечную муку нести, или прощение у тебя вымолить, чтоб душу очистить. Сама понимаешь, вечных мук мне не хочется.

Она говорила, а я слушала, потому что сопротивляться и спорить не было возможности – тело путами колдовскими спелёнато, рот заклятием немоты заткнут. Глазами только вращать могла, выразительно демонстрируя своё отношение к тому, что слышу.

Оригинальный она выбрала способ прощение у меня вымаливать – без приглашения в дом мой заявила, напугала, мужа остановить не позволила, обездвижила... Да ещё и в том призналась, что вины за за всё в прошлом и нынешнем содеянное не испытывает. О каком прощении в таком случае вообще может речь идти? Ей, видите ли, в Ад не хочется. А мне-то какое до этого дело? Нагрешила – отвечай по заслугам. Так ведь нет же! Она опять свою проблему моей сделать вознамерилась!

– Фроська тебе про слова Пелагеи правду сказала, – продолжала вещать Белена, пока я мысленно желала ей немедленно провалиться туда, куда она проваливаться не желает. – Три шага мне нужно было сделать для того, чтобы душа моя чистой стала и светлой. Три условия выполнить, чтобы путь к покою вечному открылся. Я ж не по своей воле женой водяного стала-то. Да и водяному это без надобности было. Проклял меня мой Алёшенька, когда сказала ему, что Пелагея

с дитём в утробе от колдовства моего отворотного гибнет. Так и сказал: «Будь ты проклята, ведьма!», а слова, в сердцах высказанные, сама знаешь, иногда большую силу имеют. Не скажи он слов этих, я б тогда утопла просто в озере целебном, но водица волшебная силу слова Алёшкиного почуяла и по-своему пожелание это выполнила. А Пелагея меня простила, несмотря на злобу мою. Путь мне к покою и свету указала. Помочь я должна была будущему с прошлым встретиться, злу добром обернуться и живому цветку на мёртвом поле вырасти. А оно мне надо было? Тело мертво, а душа-то жива, пусть и чёрная. Сила колдовская и после смерти при мне осталась. Зачем мне вечный покой? Мне и так жилось неплохо. Обязанностей немного, за колдовство уже никакое возмездие не страшно. Не болею, не старею, нужд человеческих не испытываю. И тогда мне покой посмертный не нужен был, и сейчас я его не жажду, да только теперь от меня не зависит уже ничего. Как ни старалась я тебя и выроodka твоего извести, чтоб погибели избежать, а высшие силы наизнанку мои намерения вывернули. Это ведь я в Дарёне дар её врождённый раскрыла. Для того старалась, чтоб зла побольше наделать. Из-за меня она черна душой стала. Да настолько черна, что за тьмой этой мои грехи шалостью невинной кажутся. Не тронь я её тогда, она бы обычную жизнь прожила и померла, как все, а так вышло, что я же встрече прошлого с будущим и подсобила. Жизнь Дарёны закончилась давно, а у сына твоего, печатью особого дара отмеченного, только

начинается. Так вот одно из условий моего упокоения само собой и выполнилось. Не желала я этого, но раз участие в судьбе Дарёны когда-то давно приняла, то мне это зло как заслуга засчиталось. И что ребёнка у тебя в пузе сберегла, когда после моего же вредительства природа изгнать этот плод хотела, тоже против меня обернулось – вроде как помогла я цветочку этому не погибнуть до появления на свет. И что силой природной тело твоё напилось, когда я о смерти твоей матушку-природу просила – это тоже во благо дитю зачлось. Всё наперекор и шиворот-навыворот. У колдовства и магии свои законы, и я сто раз тебе это повторяла, а сама обожглась. Сама того не ведая и не желая, два условия из трёх выполнила. А сколько раз зло добром оборачивалось за те месяцы, что я с тобой возилась, и не сосчитать уж теперь. По чуть-чуть, по мелочи незначительной, но накопилось достаточно. И ты правильный способ выбрала, чтоб себя от моих намерений оградить, пока дитё не родишь. Молодец, хвалю! По самому больному ударила. Лёшку ко мне подослала и дар его посмертный уничтожила. А что дальше было, знаешь?

У меня такое впечатление складывалось, что неупокоенным духам на том свете поговорить не с кем. Всю эту информацию можно было в несколько фраз уложить без ненужных подробностей. И не попросишь ведь сократить поток сведений до самого важного. Мне вот эта вся предыстория зачем? Я и так знаю, что все условия были выполнены, поэтому и пребывала последние четыре месяца в твёрдой уверенности,

что больше никогда не встречу на своём жизненном пути коварную мёртвую ведьму по имени Белена. Как, почему и зачем она вернулась – вот это интересно, да. Но с такими темпами повествования я состарюсь быстрее, чем самое главное услышу.

– ...Нет на том свете ни Рая, ни Ада, милая моя, – добро-совестно лила она мне в голову очередные откровения. – Загробный мир один на всех, но если кому-то в нём вечный покой полагается, то других вечные муки ждут. А мне ни то, ни другое не светило, пока сын твой не родится. Затащить-то меня Лёшка туда затащил. Крепко вцепился – не оторвать. Да только ему-то покой положен. Как снова по ту сторону оказался, так и безразлично ему всё стало. И ты безразлична, и проблемы твои. И я тоже. А моя-то душа живая ещё. Думаешь, приятно живой душе среди мёртвых находиться? И не вырваться оттуда никак. Я уж думала – всё, конец. И насолить ведь тебе напоследок так успела, что милости ждать не приходилось. Грехов-то много за душой, а я на муки загробные достаточно насмотрелась. Не хочу так. Спасибо, что дар колдовской при мне остался. Как родила ты, и возмездие для меня наступить должно было, так в магию-то всё и упёрлось. Не положена она мёртвым. Марфа вон тоже маялась, пока тебе свою силу не отдала. Только она муки приняла, потому как тоже зла много наделала, а мне это ни к чему. Я теперь не могу выбирать между миром живых или мёртвых, ты этот выбор за меня уже давно сделала, а вот по-

кой вместо мук выторговать возможность пока ещё есть. Зло равноценным добром искупается. Того, что сделано, уже не исправить, но пока сила моя при мне, добра я больше сделать могу. Прощение твоё заслужить – это обязательное условие и уже половина дела, поэтому вариантов у тебя быстро со мной расстаться, сама понимаешь, нет. А как пойму, что всё зло искуплено, так по доброте душевной дар свой тебе отдам и упокоюсь с миром.

Великолепно! Какое счастье привалило! Ей, значит, мук в загробном мире не хочется, и поэтому во искупление грехов она теперь будет усиленно причинять мне добро и наносить пользу. Просто потрясающе! Восторгу нет предела! А главное – за меня уже всё решено. Моё дело маленькое – радоваться свалившимся на голову щедротам и фонтанировать благодарностью. Ну и чужой дар напоследок принять в качестве приятного бонуса к увлекательным перспективам.

За что? Ну вот за что мне это всё? Не знаю, как на том свете, а на этом покой мне, видимо, точно не положен. Вопрос – где я-то успела так сильно нагрешить, что расплачиваюсь за это при жизни?

Глава 9. У страха глаза велики

Первое, что я сделала, когда Белена вернула мне возможность говорить и двигаться – это объяснила ей, что чёрную ворону невозможно отмыть добела. Можно только перекрасить, но когда оперение сменится, оно снова будет чёрным. Не добрыми делами зло искупается, а искренним раскаянием. Если такого раскаяния нет, вечных мук на том свете избежать не получится.

– А это уже не твои заботы. Ты добро принимай, благодарной будь, а мнение своё при себе держи, – с важным видом заявила мне ведьма. – Вокруг тебя вон сколько всего творится, чему ты причин не знаешь. О своих бедах думай и от помощи не отказывайся, пока предлагают. В порядок себя приведи для начала, а то молоко вон уж по сорочке течёт.

– Оно не текло бы, если бы из-за тебя Власов ребёнка не увёз, – проворчала я в ответ.

Дверь она тоже перестала удерживать закрытой, поэтому у меня появилась возможность покинуть комнату. Понятно, что Белена теперь будет таскаться за мной повсюду, пока не поймёт, что её неискренние усилия выбелить добрыми делами чёрную душу бесполезны. И продолжаться это может очень долго – наличие колдовского дара упокоиться не позволяет, да мёртвая ведьма и сама на тот свет отправляться не хочет. Но мир мёртвых уже внёс эту душу в свои списки,

и дар теперь не просто даёт отсрочку от неизбежного, а мучает.

Зимой я с помощью медиума говорила с покойной Марфой, и она рассказала мне, каково это – принадлежать смерти. Колдовские способности – это неотделимая часть души. Иногда бывают исключения вроде меня, но это большая редкость. И если ведьма или колдун уносят свой дар с собой в могилу, он становится проблемой. Магию обязательно нужно кому-то передать или завещать – человеку, природе, любому живому существу или даже неодушевлённому предмету. Если нет наследника, то можно написать книгу и связать магию с ней – тогда после смерти ведьмы вся её сила уйдёт в написанные слова. Можно сделать какой-нибудь амулет и отдать магическую силу ему. Практикующие ведьмы знают об этой необходимости и обо всём заботятся заранее, поскольку знают, что посмертие станет наказанием, если оставить дар при себе. Добрым он мешает обрести покой – напоминает о своём существовании и вызывает тоску по миру живых. Злые с его помощью пытаются вернуться, противятся положенному возмездию и беспокоят упокоенных. По этой причине в мире мёртвых существует подобие изолятора – маленький Ад для тех, кто не избавился от колдовства. Магия тянет душу обратно к живым, смерть – в другую сторону. Неупокоенные колдуны и ведьмы в этом изоляторе безмерно страдают вне зависимости от того, добрыми они были при жизни или злыми, знали о необходимости передать

дар или нет. Единственный способ вырваться оттуда в мир живых и освободиться от магии – это призыв. Кто-то должен призвать неупокоенную душу. Марфу, например, призывал Назар. А вот кто призвал Белену и с какой целью – это уже вопрос. Этим человеком мог быть кто угодно из тех, к кому я обращалась за помощью, когда спасала Толю – имя-то ведь мы известно, а ритуал призыва не очень сложный.

Я плакала, когда сцеживала в раковину накопившееся молоко. Хранить его не имело смысла – у Власова было такое лицо, когда он забирал у меня сына, что надеяться на их скорое возвращение не приходилось. На мои телефонные звонки он не ответил. Куда поехал? Где они сейчас? Вещей никаких не взял ни для себя, ни для Владика. Он сына даже помыть не удосужился – я не нашла грязные ползунки ни в ванной, ни в нашей спальне. Так от огня убегают, думая только о спасении жизни. Неужели Власова наши прежние магические приключения напугали настолько, что у него развилась настоящая фобия? Но ведь он же согласился, чтобы я вернулась к колдовству, и даже предложил колодец для болотника выкопать.

Выйдя из ванны, я обнаружила полупрозрачный призрак Белены ползающим по ковру в гостиной.

– Что-то потеряла? – спросила брезгливым тоном, потому что своё отношение к ней скрывать не собиралась.

– Ты мне верить на слово не хочешь, я поэтому сейчас тебе доказательства предъявлять буду, – заявила она, припод-

няв край ковра. – Плошку дай, в какую мужики окурки складывают.

– Пепельницу что ли? – вопросительно приподняла я бровь.

– Угу, её, – кивнула Белена и выпрямилась во весь рост, сжимая что-то в бледном кулаке. – Ну чего встала? Тебе правда нужна или нет?

Я скрестила руки на груди и прислонилась плечом к дверному косяку.

– Нужна. Начни с правды о том, кто тебя с того света вытащил.

– Ну так дурында какая-то безбедной жизни возжелала и заговор с обращением к древним ведьмам читать начала, – беззаботно отозвался призрак. – Имён там нет, а слова призывные были, вот я первой и успела на них выскочить. Я разве не древняя? Объяснила дурёхе этой, что на том свете ни у кого несметных сокровищ нет, поэтому не заговоры читать надо, а работу искать. Не веришь, да?

– Не-а.

– Ну и не верь, – отмахнулась она. – Плошку давай. Сейчас мы домового твоего из его пакостливой шкуры вытряхивать будем.

Я только тогда поняла, зачем она по полу ползала. Домовые хоть и духи, но в воплощённом виде они лохматые – шерсть иногда теряют. А с шерстью домашней нежити много чего магического сделать можно. И вроде бы жалко Нефёда

в лапы злой ведьмы отдавать, но ведь он реально врун бес-совестный. А с того момента, как Белена появилась, он вообще на глаза показываться перестал и не откликнулся ни разу, хотя я его звала.

– Ладно, – согласилась я на экзекуцию над домовым, но не без сомнений.

Откуда мне знать, что это не подстава какая-нибудь? Я даже при прежних способностях видеть не могла, кому нежить служит, а без них... Но интересно ведь. И если хозяйка домовому не я, то причиной того, что с моей семьёй и вокруг меня творится, может быть кто-то посторонний. Кому-то надо, чтобы я снова от безысходности и обилия проблем головой о стены билась.

Власов не курит, но для курящих гостей пепельницу он сам купил, хотя по назначению она до сих пор ни разу не использовалась – стояла в серванте на полке рядом с бокалами для виски, поскольку в наборе с ними шла.

– Красивая посуда, – похвалила Белена, высыпала в пепельницу собранные шерстинки, присмотрелась к ним и выбросила несколько штук обратно на пол. – У тебя кошка линяет. Ты хоть бы прибиралась что ли, дитё всё-таки в доме малое. Вот наестся...

– Ты не отвлекайся, – намекнула я на то, что нотации относительно домоводства и ухода за ребёнком слушать не желаю.

– Ведро воды принеси, – потребовала она. – Как домовый

выскочит, ты его сразу хватай и в ведро суй. Питать его будем без жалости, пока во всём не сознается.

– А в чём он должен сознаться? – поинтересовалась я. – Может, объяснишь?

– Нет уж. Пусть сам всё скажет. Моим-то словам веры у тебя нет.

Я попробовала ещё раз позвать Нефёда – не отозвался. Принесла из ванны не ведро, а детскую ванночку – в неё больше воды влезает. Скатила ковёр, чтобы не намочить. Натаскала холодной воды. Для Нефёда хуже мытья пытки нет. Я его один только раз мыла – в Лесном, когда он в самый первый раз мне в облике грязной кошки показался. Вода и Граф – это всё, чего он боится.

– Может, собаку привести? – предложила я.

– Зачем? – не поняла Белена.

– А они с Нефёдом ненавидят друг друга, – пояснила я.

– Веди, – согласился призрак ведьмы. – Чем страшнее ему будет, тем быстрее разговорится.

Я привела в гостиную с улицы ещё и щенка – на поводке, чтобы по всему дому не носился. Графу присутствие духа пришлось не по нраву – пёсель сразу же вознамерился вернуться во двор, а когда не вышло, начал жалобно скулить и напрудил лужу.

– А раньше собаки тебя не боялись, – заметила я, обращаясь к Белене. – Говорят, что они дурных людей хорошо чувствуют.

– Сама ты дурная, – огрызнулась ведьма, дождалась, пока я закреплю поводок на трубе отопления, и наконец-то приступила к выполнению своего замысла.

Дружить с огнём у неё раньше получалось, но принадлежность к миру мёртвых, видимо, сказалась на магических способностях не лучшим образом. Воплотиться, например, Белена уже не могла. Зажечь даже крошечный огонёк у неё тоже не вышло, поэтому мне пришлось принести из кухни ещё и спички.

– Не смешно, – раздражённо скривилась она, заметив на моём лице усмешку. Пошептала что-то над пепельницей и скомандовала: – Поджигай.

– А если он не в доме? – спросила я, вынимая из коробка сразу несколько спичек.

– В доме, – уверенно ответила Белена. – Прячется трусливо. Знает, что я здесь, а удрать не может, потому как велено всегда подле тебя быть.

– Кем велено? – снова задала я интересующий меня вопрос, но в ответ услышала только повторный приказ:

– Жги, говорю. Сейчас сама всё узнаешь.

Я чиркнула спичками по коробку и бросила их в пепельницу. Лежащие на дне шерстинки вспыхнули, и одновременно с этим в мансарде раздался дикий вопль.

– Там у тебя ничего ценного нет? – невозмутимо поинтересовалась Белена.

Я ринулась к лестнице – мне только пожара для полно-

го счастья не хватало. Ничего ценного в мансарде не было, но там лежали доски и запас обоев. Лестница угловая – в два пролёта. Я уже мчалась по ступеням второго, когда орущий огненный шар выкатился мне навстречу и чуть не сбил с ног. Одного взгляда хватило, чтобы понять, что наверху ничего воспламениться не успело. А в ванночку Нефёд запрыгнул сам, спасая свою шкуру от огня. Белена приподняла призрачную юбку и сунула свою полупрозрачную ногу туда же, придавив ею домового.

– Хозяйка, спаси! Хозяйка! – вопил Нефёд, разбрызгивая воду по линолеуму. – Не верь ей! Она тебе смерти желает!

– Желаю, да, – подтвердила Белена спокойно. – И желаний своих не скрываю. А ты, подлец, признавайся, кому на самом деле служишь.

– Никому я не служу! Вольный я!

– Ну да, – скептически кивнул призрак. – Вольный. И честный. Эля, давай сюда пса.

Граф к этому моменту успел сделать под радиатором ещё одну лужу, забился в угол и смотрел на происходящее с неподдельным ужасом. Страх в нём перевесил ненависть к домовому.

– Иди сюда, лопоухий, не бойся, – вытащила я несчастного зверя из угла и понесла к ванночке.

Щенок отчаянно завизжал и начал вырываться. Поцарапал когтями мне руку и даже попытался укусить.

– Кидай его в таз! – отдала Белена очередной приказ.

– Да у него сейчас сердечный приступ случится, – возразила я, продолжая держать животное на вытянутых руках.

– Кидай, говорю! Собаку ей жалко...

Да, жалко. Граф-то ни в чём не виноват. Он маленький ещё и глупый. Я уже хотела было его отпустить, но заметила панику в глазах Нефёда, поэтому всё же бросила щенка в ванночку. Думала, что он выскочит и с визгом удерёт, но щенок вместо этого вцепился зубами в мокрую кожу домового и начал с остервенением трепать своего врага. Белена медленно убрала ногу из воды и сказала мне с ухмылкой:

– А теперь смотри и слушай. Хорошо, что о собаке вспомнила, без неё дольше бы возиться пришлось.

Нефёд истошно орал. Граф с грозным рычанием терзал зубами и когтями его кожу – вроде и мелкий ещё совсем, колобок лохматый, а всё же пёс. Вода из ванночки уже не только весь пол в гостиной залила, но и мебель забрызгала, и стены. Я никак не могла понять, почему домовый вырваться не может – он ведь сильнее. А потом Белена обошла меня со спины, положила мертвенно-ледяные ладони мне на плечи и ненадолго поделилась со мной тем, чего я была лишена. Она дала мне другое зрение – возможность видеть мир так, как я видела его раньше. Так, как видят его настоящие ведьмы.

– Видишь? – спросила она.

Я кивнула, потому что не нашла нужных слов. Граф рвал не домового – он отчаянно пытался содрать с мокрой кожи Нефёда тёмное пятно, вьевшееся в энергию домашнего ду-

ха чуть пониже его широченного рта. Это пятно опоясывало нежить на манер строгого ошейника с шипами, направленными внутрь.

– Собаки на тёмную колдовскую силу именно так и реагируют, – пояснила Белена. – У них это инстинкт. Поэтому в Лесной собак и не было ни у кого.

– Уберите! Уберите его от меня! – орал Нефёд, отбиваясь от щенка и захлёбываясь остатками воды. – Спасите!

– Почему он не убегает? – нахмурилась я. – Его ведь никто уже не держит.

– Страх его держит, – усмехнулся призрак ведьмы. – Этот домовый настолько же трусливый, насколько наглый. О спасении молит, а сбежать ума просто с перепугу не хватает, вот и весь секрет.

– Дарёна! Спаси! – вдруг выкрикнул Нефёд.

– О! А вот и истину подвезли! – обрадовалась Белена. – Поняла теперь, кто ему настоящая хозяйка? Готова моим словам верить? Ежели готова, собаку можно убирать, а я этого поганца подержу, чтобы сызнава не спрятался.

Глава 10. Если верить Белене

Если верить Белене... Нет, я знаю, что верить ей ни в каком случае нельзя, но выслушать-то её версию «правды» мне ничего не мешало. Так вот... Если верить Белене, то во всех напастях, обрушившихся на мою семью в последние дни, виновата Дарёна. Точнее, Мария. Имя сути не меняет, поэтому неважно, как зовут эту мерзавку.

– Дитё твоё само по себе дар необычный, потому как бесплодным мужикам плодиться несвойственно. А твоему мальцу природа ещё и от щедрот своих отвалила всё то, что для защиты ему ещё в утробе дадено было. Вся сила, с которой ты управляться не умела, ему перешла, но не так, как она тебе досталась. Его б разорвало, если б такую мощь сразу заполучил, поэтому подарком ему стала связь крепкая. С природой-матушкой он этой силой соединён, и дар его вместе с ним растёт. Колдуном не станет, потому как способностей нет, а природу понимать будет куда лучше, чем другие.

– С животными что-ли разговаривать? – уточнила я.

– Ты совсем что-ли умом повредилась? – выпучила она на меня свои прозрачные глаза-пузырьки. – На кой с ними разговаривать-то? Учёным он станет. Как это... Ну, которые природу любят.

– Экологом?

– Да неважно, – махнула она рукой. – Травником, геоло-

гом... Жизненная сила его от природы питается, понимаешь? И всю его жизнь так будет.

— Ну это не редкость, — пожала я плечами. — Таких людей много.

— Так-то оно так, — согласилась Белена. — Только вот природа заранее ни перед кем не отчитывается, кого она одарить подобным образом собирается, а после появления на свет к таким деткам уже не подступиться. Они от тёмного колдовства от роду защищены. Пуповинку-то кто срезал, а?

— Мария.

— Вот то-то же! А где теперь эта пуповинка? В каких целях её пользуют?

— Не знаю.

— И не узнала бы, если б не я, — с гордым видом заявила мне мёртвая ведьма.

— Ага, — согласилась я. — Если б не ты, мне не пришлось бы по колдунам помощи искать, в сугробе рожать и своими способностями за жизнь Власова расплачиваться. Благодарно кланяться за это в пояс не буду, уж извини.

— Тю, какие мы нежные... — фыркнула она. — Я тебя что ли заставляла кругами носиться, когда искомое под носом было? А Дарёна к тебе и без этого пришла бы. Она ж знала, какое дитё ты носишь. И понимала, каким оно родиться может. Наплела, что боль нужна, чтобы твой дар от всего лишнего очистился перед тем, как она его заберёт, а ты и поверила. Мучилась, страдала, силу природную два дня в себя

без меры тянула, чтоб разродиться, а она тем временем свои дела делала. И коню твоему ретивому хомут создала, чтоб не брыкался, а по её указке скакал, и тебя болью изводила, чтоб ты себя помнить перестала. Знаешь, зачем? Если бы ты своей рукой пуповину срезала, то могла бы через сына силу природную получать. Способности, что от Марфы тебе достались, Дарёне ни к чему. Про часть души своей она не соврала, а во всём остальном обманула. Для того она дар твой отняла, чтоб ты колдовство видеть и понимать перестала. Не ведала чтобы, что она сыночка твоего ненаглядного к рукам прибрала.

И снова как в сказке – чем дальше, тем страшнее. Не всякое тело способно долго душу чёрной ведьмы в себе носить. Мария множество раз меняла «сосуды», потому что они быстро приходили в негодность. Издеваясь надо мной, она буквально заставила природу щедро одарить моего ребёнка, потому что предпосылки для появления такого дара были очевидны. А потом, срезав пуповину, чёрная ведьма получила возможность тянуть природную силу через Владика для того, чтобы подольше поддерживать жизнь своего нового вместилища. Пользоваться природной магией она не может, но направить её во благо плоти – вполне. А я ослепла и оглохла с магической точки зрения. Раскатала губу на нормальную человеческую жизнь и семейное счастье. Так бы и было, если б мне не втемяшилось снова заняться магией. Точнее, так бы всё выглядело.

Мария снова прибрала к рукам Фросю и Нефёда. Кикимору она заставила демонстративно уйти, но велела не спускать с меня глаз, когда я нахожусь вне дома. Фроська тоже была в Мизгиревке – шастала поблизости, оставаясь незаметной. И на ней такой же ошейник, как на Нефёде. А домовому было велено присматривать за мной, пока я в доме. Я ведь, наивная, с ним делилась своими мыслями о том, что с магией мне было бы проще, а он всё это своей истинной хозяйке докладывал.

Болотник в нашем подвале действительно появился не случайно. До этого он у соседей в колодце жил, потому там всё так и загрязнилось, что чистить пришлось. Когда Мария-Дарёна узнала, что я о магии помышляю, она приказала нежити создать для меня такую проблему, чтобы я обязательно заинтересовалась и по уши увязла. Со Степаном Фроська первой познакомилась. Они общались, болотник с ней печальями своими делился. Фроська же и подала идею подсунуть мне болотника с его историей о разлучённых влюблённых – я же жалостливая и сентиментальная. А у Власова кикимора тем временем шепотками вырабатывала не свойственную ему виккафобию – это с её помощью Толя неожиданно начал панически бояться всего, что связано с колдовством.

– Она же нашёптывала, что ребёнка у тебя отобрать надо. Что плохая ты, что зло людям делать хочешь. Что бежать от тебя надо, сверкая пятками, если ты хоть какого-нибудь

колдовства коснёшься. А тут не просто колдовство – тут я! И про яблочко... Где яблочко-то молодильное, что Дарёнка вам презентовала?

Мне даже идти к серванту не пришлось – я видела, что яблока нет, ещё тогда, когда пепельницу доставала. Только у меня никаких крамольных мыслей по этому поводу не возникло – Толя сто раз уже говорил, что надо этот презент выбросить.

– Нет яблочка, да? – усмехнулась Белена. – И мужа своего ты теперь не найдёшь. Я б раньше сказала, да только возможности вырваться сюда не было.

– Откуда тебе знать, что кикимора Власову нашёптывала? – недоверчиво осведомилась я.

– Ну так шепотки-то видны, а я вроде как пока ещё ведьма, хоть и мёртвая, и не настолько сильная, как раньше, – последовал ответ, сопровождаемый очередной усмешкой. – Глаза-то у меня на том свете не отняли. И голову тоже. Одно с другим сложить могу и выводы сделать. Дарёна тело сменила, и я знаю, как она теперь выглядит. Мужик твой с яблоком молодильным исчез и ребёнка забрал. А яблоки эти не только годы назад отматывают, но и память об этих годах тоже. Не вспомнит он тебя. А Фроська его туда отведёт, куда хозяйка велит. Кикимора-то с ним уехала, чтоб сам не потерялся и дитё не потерял.

– А убить меня не проще было? – задала я вполне логичный вопрос. – Как-то всё слишком сложно.

– Убить нельзя ни тебя, ни мужика твоего, потому как тогда пуповинка силу утратит, – развела Белена руками. – Дитё-то от вас двоих появилось. Пока оба живы, силу можно в полную меру пользоваться. Как один помрёт, сила ополовинится. Целое-то лучше половины. А яблоки из воздуха не растут. Если есть одно, значит, и дерево имеется. Вас обоих и дитё ваше ими до-о-олго кормить можно. Не одно столетие.

– Это бред, – озвучила я своё мнение. – Такая дикая схема ради того, чтобы из тела в тело не прыгать?

– Ну так а Дарёне-то на том свете тоже уж давно прогулы ставят, – пояснила мне мёртвая ведьма. – Для того, чтоб из одного тела в другое перескакнуть, опасный путь проделать надо под самым носом у смерти. Думаешь, это просто?

Я уже ни о чём не хотела думать – у меня опять ум за разум зашёл. Одно только успокаивало – если верить Белене, то вредить мне, Власову или нашему сыну Дарёне не с руки. Она при таком раскладе оберегать нас всех троих должна.

– А она разве вредит? – удивилась Белена, когда я высказала эту мысль. – Пока она только мужа и ребёнка от тебя подальше убрала, чтоб ты, неуч, каким-нибудь криворуким колдовством им жизнь ненароком не сократила. Ты ж как медведь, шершнем в зад ужаленный, напролом всегда прёшь, пути не разбирая. По сторонам не глядишь, о последствиях не думаешь. От тебя она самое ценное и оберегает. О тебе-то волноваться – только время зря тратить. Ты и на пустом месте приключения отыщешь, потому как спокойно жить не

можешь.

– А о какой большой беде для моего сына ты, в таком случае, распиналась, когда уговаривала выслушать тебя? – оскорбилась я.

– Ну так о тебе и говорила, – заявила она с таким невинным видом, будто прописную истину озвучила. – Ты для своего мальчика сейчас и есть главная беда. Слепа, как крот, а в колдовство лезть собралась. Наворотишь опять дел, а потом плакать будешь.

– Я наворочу? – злобно сощурилась я. – В прошлый раз тоже я всё наворотила? Ты с больной-то головы на здоровую не перекладывай.

Следующие полчаса мы на повышенных тонах обменивались взаимными претензиями. Время от времени перепадало и Нефёду, который с мокрой шкурой и несчастным видом продолжал сидеть в ванночке с остатками холодной воды, переводя полный ужаса взгляд то на меня, то на Беле-ну. Ни одно из сказанных ею слов домовой не подтвердил, поскольку после вопля «Дарёна!» ошейник из чёрной магии заставил его умолкнуть надолго – широкий рот просто исчез с наглой морды невольного предателя. После этого на любой из заданных вопросов Нефёд только одинаково испуганно моргал, и добиться от него чего-либо вразумительного было невозможно.

– Ладно, пусть тогда болотник подтвердит про Фросю, – предложила я, и мы, продолжая препираться, спустились в

подвал.

– Степан! – рявкнула я.

– Да нет его, – брезгливо скривилась Белена, проведя бледным пальцем по покрытой плесенью стене. – Удрал, гад.

– А он-то почему гад? – возмутилась я. – Если ты не врёшь, то его Фроська с Нефёдом обманом сюда привели.

– А кто, если не гад? Красавец что ли писанный? – возразила она. – Ты рожу-то его жабыю видела?

Не идти же к соседям, чтобы болотного духа допросить, правильно? Он вообще после наших с Беленой криков мог удрать не в ближайший колодец, а куда-нибудь в более безопасное место – понятно же, что обещанная домовым и кикиморой помощь не светит. И что у меня в итоге осталось, кроме слов Белены? Да ничего! Фрося с Власовым уехала, Нефёд рта лишился, болотник удрал – некому подтвердить хоть что-нибудь из того, что я в это утро слышала.

– Хорошо. Допустим, я тебе поверила. А дальше-то что? – спросила я, не желая мириться с таким поворотом судьбы.

– Воеводе на мужика своего пожалуйся, и пусть его ищут, чтоб на тебя плохо не думали, – предложила Белена. – Всё одно ведь не найдут. А мы тем временем из тебя обратно ведьму делать будем.

– Как?! – в отчаянии всплеснула я руками. – У меня ни силы нет, ни способностей!

– Ну так а я знаю, где взять, – осклабилась она. – Желających отдать ненужное поимённо перечислить могу. Зря я что

ли столько времени на том свете маялась?

– А Дарёна?

– А что Дарёна? Наблюдать будет за потугами моими и хихикать издевательски. Чтоб с ней тягаться, тебе такая сила нужна... В общем, быстро и легко это не получится.

От продолжения разговора меня отвлек стук во входную дверь – Вера Ивановна принесла молоко. Прошлась по моей мокрой одежде беглым взглядом и спросила, всё ли у нас нормально. Потом поинтересовалась, не поругались ли мы с Анатолием, а то он прошлым вечером уж очень сильно недоволен был тем, что соседка про Галину гадости говорила.

– Поругались, – честно призналась я. – А ночью он уехал и Владика увёз. На звонки не отвечает. Если к вечеру не объявится, пойду к участковому заявление писать.

– А ты к Галине сходи, – посоветовала Вера Ивановна. – Может, там он. Вот чуяло моё сердце, что вертихвостка эта...

– Не знаю, что оно там у вас чуяло, но лучше бы вы мне вообще ничего о Галине не говорили, – сердито бросила я ей. – За молоко спасибо, но больше пока не приносите. Я одна столько не выпью.

И дверь у неё перед носом захлопнула.

– Что ещё за Галина? – поинтересовалась Белена, за ухо двумя пальцами вытаскивая мокрого домового из ванночки.

– Не твоего ума дело, – огрызнулась я. – Исчезни, пожалуйста, с глаз моих до вечера.

Она уронила Нефёда обратно в воду и снова выпучила на меня свои прозрачно-водянистые глаза.

– Куда исчезнуть?

– Да куда хочешь, но чтоб здесь тебя не было, – поставила я условие. – Мне одной побыть нужно.

– Зачем это?

– Реветь буду, себя жалеть и думать, хочу я тебе верить или нет, – выдала я план своих действий на текущий день.

– А, ну раз так...

Белена исчезла. Я отнесла молоко в холодильник, по пути в гостиную прихватила в ванной полотенце, вытащила Нефёда из ванночки, обтёрла его, усадила на журнальный столик, заглянула в полные печали и безысходности жёлтые глаза и спросила:

– Ну и что мне делать?

Домовой моргнул в ответ и пустил слезу. Ну да, у него горе – без рта-то кусняшки в себя не засунешь. Придётся на диете сидеть, причём долго. Даже если я поверю Белене и соглашусь на её помощь, ошейник из чёрной магии снять смогу не скоро. А мёртвая ведьма либо и правда не может сама это сделать, либо не хочет.

Поверить ей – значит, добровольно отказаться от Власова и сына. Не пытаться искать их, не суетиться. «Ведьмы обречены на одиночество», – так она мне говорила? А вдруг это она всё подстроила? Вдруг она снова хочет из зависти к нашему счастью разлучить нас? Вдруг всё сказанное ею –

ложь?

Но Нефёд-то звал на помощь Дарёну. Им обоим верить нельзя.

Я ещё раз попыталась дозвониться до Власова, но ответом снова были только длинные гудки. Хотела позвонить Серёжке, но передумала – вдруг Толя вернётся? Только зря чело-века побеспокою. Начала наводить порядок в гостиной, чтобы занять себя хоть чем-то, кроме дурных мыслей. Плакала. Нефёд некоторое время наблюдал за мной, а потом сполз со столика и полез под диван.

– Ну вот куда тебя опять понесло? – вздохнула я, смахнув рукой стекающие по щекам слёзы.

В ответ на этот вопрос в знак крушения всех моих надежд из-под дивана выкатилось зелёное яблоко – не огрызок, но несколько раз надкушенное. Наверное, Толя уронил его, потому что торопился. Значит, если верить Белене, муж меня либо уже забыл, либо забудет в ближайшее время. А если не верить? Как скоро я сойду от всего этого с ума?

Глава 11. Наперекор врагам

Толя сказал, что нужно верить только фактам. Год назад, впервые прикоснувшись к тайнам нашей реальности, я с открытым ртом слушала всё, что лилось мне в уши. И правда – как ребёнок. И что из этой наивной доверчивости вышло? Да ничего хорошего. «Нет уж. Второй раз я в эту ловушку не попадусь», – решила я и занялась отделением зёрен фактов от плевел неподтверждённого. Всё ведь повторяется – опять на меня в один миг свалилось много всего плохого и непонятного, и кто-то сразу же, пока я оглушена сомнениями и непониманием, пытается направить мои действия в нужное ему русло. И это не просто «кто-то», а Белена, из рук которой я горя хлебнула уже предостаточно.

Фактов оказалось мало. Первый – поведение Власова действительно выглядит странно. Второй – молодильное яблоко мой муж не съел, но понакусывал. Третий – Нефёд служит тому, кто практикует чёрную магию. Вот и все факты. Всё остальное – слова Белены, которые никто не может подтвердить.

И с памятью у меня всё нормально, если не подталкивать меня к сиюминутным решениям, а разрешить подумать. Я ведь лично общалась с Пелагеей через медиума. Своими ушами слышала из её уст пророчество, предназначавшееся Белене. Суeta последних месяцев смазала воспомина-

ния, поэтому и слова начали восприниматься по-другому. Ну или кто-то и в моей голове тоже покопался, чтобы запутать. «Прошное с будущим встретится» – это неправильно. Тёмное прошлое должно уступить дорогу светлому будущему. «Зло добром обернётся» – это верно. А насчёт цветка... «Распустится цветок, выросший из мёртвого семени» – вот как это звучало. А дальше было: «Тогда сердце твоё чёрное станет белым, как волос, а в душе воцарится мир».

Что мы имеем на данный момент? Тёмное прошлое дорожку светлому будущему уступило? Нет, оно продолжает портить мне жизнь. Зло добром обернулось? Не факт. Я до сих пор даже толком не понимаю, как определить, сбылась эта часть или нет. И цветок из мёртвого семени пока ещё не вырос, а только-только начал расти. Вот почему Белена на том свете не задержалась – пророчество ещё не сбылось, хотя меня убедили в обратном. Сначала Фрося говорила, что всё закончится, когда родится мой сын, а потом и Мария это подтвердила. А я настолько была поглощена своими сложными проблемами, что остро нуждалась в обещании скорого и доброго финала затянувшейся страшной сказки. Меня обманывали, а я верила, потому что хотела верить.

А теперь я никому верить не хочу. Мои наивность, доверчивость и склонность к поспешным выводам и решениям отняли у меня мужа и сына. Не Дарёна в этом виновата и не Белена – только я. Владик четыре месяца назад родился – за это время я тысячи раз могла просто сесть и хорошенько всё

обдумать. А я что сделала? Вычеркнула прошлое и магию из своей жизни и успокоилась.

– Есть кто дома? Хозяева! – донёсся со двора незнакомый мужской голос, вырвав меня из объятий мрачной задумчивости.

Я выглянула в окно – пришёл мужчина в полицейской форме. По моей спине пробежал холодок нехорошего предчувствия.

– Здравствуйте! – открыла входную дверь, моля всех известных и неизвестных богов о том, чтобы этот визит не подкинул мне новых проблем.

– День добрый! – кивнул полицейский и направился ко мне, на ходу представляясь: – Участковый оперуполномоченный Казанцев Игорь Максимович.

– Вы наш участковый? – поняла я. – Что-то случилось?

– У меня? – удивлённо приподнял он брови. – Я думал, что это у вас муж пропал.

Откуда мне было знать, что несколько резких слов пробудят в соседке-пенсионерке такую жажду деятельности? Оказывается, Вера Ивановна успела уже и к Галине Львовне домой наведаться, и в клубе побывала, и даже к участковому сама сбегала на мою проблему пожаловаться.

– Тётя Вера и мёртвого из могилы поднимет, ей только повод дай, – усмехнулся участковый.

– Тётя Вера? – переспросила я.

– А вы раньше в городе жили, да? – улыбнулся Казанцев. –

В деревнях и сёлах всё по-другому. Здесь половина населения друг другу родственники, а остальные всё обо всех знают. Она моя тётка по матери. В участок как к себе домой ходит по любому поводу. Так у вас муж пропал или нет?

Мне оставалось только обречённо вздохнуть и выпустить гостя в дом – не держать же его на жаре. Дело-то к полудню уж шло, солнышко хорошо так припекать начало. Пригласила в гостиную, в двух словах обрисовала ситуацию, исключая мистическую сторону проблемы. Да, я повелась на слова Веры Ивановны о том, что Галина на моего мужа положила глаз. Да, приревновала. Да, вчера вечером нагрубила этой даме, когда она приходила просить моего мужа помочь с декорациями. Вечером мы с Толей на этой почве поссорились. А ночью ребёнок раскапризничался, и Власов повёл себя совершенно неадекватно.

– Да он перепсихует и вернётся, – уверенно добавила я к скромному описанию случившегося. – Просто возраст, смена обстановки, с бизнесом там тоже... Он нормальный, правда.

– То есть заявление вы писать не будете? – уточнил племянник Веры Ивановны. – Я не настаиваю, но поймите меня правильно – без причин такие взрывы эмоций не случаются. Вам лучше знать своего мужа, конечно, но речь ведь не только о нём идёт. Сколько вашему сыну?

– Четыре месяца.

– А питание?

– Я сама кормлю.

– Ну вот. А в ваше отсутствие он что есть будет?

– Толя умеет детское питание разводить.

Казанцев посмотрел на меня долгим взглядом и вздохнул.

– Дело ваше, но я бы посоветовал не затягивать с заявлением. Вы сами говорите, что муж ведёт себя неадекватно, а если он в такую погоду в машине ребёнка оставит? Представляете, чем это может закончиться?

Он всё-таки настоял на том, чтобы я написала заявление. Я снова разревелась – у нас и так в семье разлад, а я Толю ещё и под паровоз правоохранительной системы толкаю. Он ведь окончательно во мне разочаруется после всего этого. А участковый сверху ещё порцию соли на рану высыпал:

– Вы полы в доме всегда моете после семейных ссор?

– В смысле? – не поняла я.

Он кивнул на мокрое пятно, оставшееся по низу шторы после купания Нефёда, а потом ещё вынул из кармана носовой платок, наклонился и провёл им по линолеуму.

– В подобных ситуациях мамочки обычно не о чистоте в доме беспокоятся. Я ни на что не намекаю, но если ваш муж так и не объявится, то вы будете первой в списке подозреваемых. Послеродовая депрессия иногда толкает женщин на странные поступки.

У меня от этих его слов аж вскипело всё внутри.

– Хотите сказать, что я убила мужа и сына, тела вывезла и спрятала, а теперь несчастную из себя изображаю? Вы в

своём уме?

– Так все говорят, а следствие потом выясняет неприглядные факты, – пожал он плечами. – Извините, обидеть вас не хотел, но проверяться будут все гипотезы. Просто предупредил.

Он ушёл, а меня после этого трясло ещё долго. Хотелось только одного – чтобы Власов вернулся немедленно. Я ему позвонила уже раз сто, наверное, а после ухода участкового позвонила ещё и Сергею. Рассказала всё – и про Белену, и про её очередную сказку. Серёжка тоже разволновался и пообещал, что понаблюдает за нашим домом в Мухино. «Семёныч у дочки гостит, Батона соседи кормят... Короче, я маякну, если Палыч здесь объявится», – это всё, чем он мог мне помочь.

А ещё я позвонила Серебрянскому – он хоть и работает на Олега Карпунина, но консультацию-то простенькую мне дать может. Обрисовала в двух словах ситуацию и спросила, как мне себя вести, если меня обвинять начнут. «Ну это ваш участковый явно перестарался с гипотезами. Скучно ему, наверное», – усмехнулся в ответ Руслан Владимирович и посоветовал поменьше волноваться, а то молоко пропадёт. Сказал, что для подозрений основания нужны, а чистый пол таким основанием не является. Вопросы будут, да, но паниковать по этому поводу не надо. Разрешил звонить ему в случае необходимости.

Пока я размышляла о том, кого ещё надо поставить в

известность, Серебрянский успел доложить о моём звонке Олегу Григорьевичу Карпунину, и тот соизволил позвонить мне сам.

– Эля, здравствуй. Мои ребята вели Власова до Тамбова. Машину он бросил возле гостиницы Театральной. В гостиницу не заходил.

– А зачем вы вообще за ним следили? – раздражённо поинтересовалась я вместо благодарности.

– Это наши с ним дела, тебя они не касаются, – в том же тоне ответил Карпунин. – Спасибо сказала бы.

– За что? – уточнила я. – За жизнь под вашим пристальным присмотром? Сейчас просто лопну от благодарности.

Он проигнорировал мою язвительность и поинтересовался, нужна ли мне какая-нибудь помощь. Я сначала хотела послать его к чёрту, но вовремя сдержалась.

– Нужна, Олег Григорьевич. Помните, вы мне рекомендовали чёрную ведьму Марию, которая не захотела у вас на поводке бегать?

– Помню. И?

– Ну так вот она и есть ваше фамильное проклятие. На вашей семье печать чёрной магии. До тех пор, пока один член семьи таким колдовством занимается, возмездие за его грехи по остальным родственникам бьёт.

– Она нам не родственница, – возразил Карпунин.

– Это тело вам родней не приходится, а дух в этом теле той самой девочке принадлежит, которую Белена триста

лет назад у нищих родственников барина Мухина выкрала. Помните такую девочку? Машенькой её звали. Вы ведь хорошо историю своего рода изучили. Ну так вот Машенька эта с подачи Белены в чёрное колдовство влезла, и не умерла, как все думают, а до сих пор скачет из одного тела в другое.

Карпунин помолчал немного, а потом спросил:

– Ты сколько выпила, дура?

– Я вообще-то мама кормящая, мне пить нельзя, – сообщила ему я. – Трезвее некуда просто. Я бы и сама эту дрянь поискала, да у меня без способностей это вряд ли получится. Есть подозрение, что Власов с её подачи внезапно из ума выжил. И Белена, кстати, с того света вернулась как по заказу. Если хотите помочь, поднимайте на ноги всю свою армию экстрасенсов, и пусть они ищут не Толю, а очень сильную чёрную ведьму. Полагаю, вместилище она сменила, так что задачка будет не из простых. А если заодно найдёте способ Машеньку свою упокоить, я вашей должницей по гроб жизни буду. В ближайшее время попытаюсь как-то свои способности вернуть, так что сочтёмся.

– Ты уверена в том, что говоришь? – недоверчиво осведомился Олег Григорьевич.

– Насчёт Власова не очень, а по поводу вашего родства с Марией сомнений нет никаких, – подтвердила я свои слова. – Я всё сказала, а дальше сами решайте, что с этой информацией делать. Если кому-то нужны будут подробности, пусть звонят мне в любое время.

Вот так. Белена хотела, чтобы я бездействовала и старательно постигала магические науки? Ну так я ведь ничего и не делаю. За меня другие впрягутся. Карпунин точно сложа руки сидеть не будет – ему это фамильное проклятие хуже нарыва на пятой точке. Я, конечно, приврала насчёт того, что колдовство Марии по кому-то там бьёт, но нужно же было какой-то стимул человеку дать. К тому же, от чёрной магии чего угодно ожидать можно, так что моё маленькое враньё вполне может оказаться правдой.

Перезвонила ещё раз участковому и сообщила, что знакомые видели Власова в Тамбове. Сказала, где стоит наша машина – пусть полиция дальше сама носом землю роет. Если у Толи просто случился нервный срыв, я придумаю способ оправдаться. Ну или мы опять поссоримся – это уже неважно. Лишь бы мои мальчишки нашлись живыми и здоровыми. Казанцев попросил не срываться в Тамбов – мне сообщат всю информацию, какая будет. Я честно пообещала никуда из Мизгиревки не отлучаться и оставаться на связи.

После полудня снова приходила Вера Ивановна – спросить, есть ли новости про Толю и ребёнка. Я едва удержалась от очередной грубости. Сказала, что новостей пока нет, и вежливо выпроводила пенсионерку за калитку. Вернулась в дом, накормила голодную Муху, сварила кашу для Графа, потом свернулась на диване в гостиной калачиком и попыталась заснуть, но в дверь снова постучали.

– Господи, ну кого там ещё принесло? – устало проворчала

я, шаркая тапочками в направлении прихожей.

А принесло на порог нашего дома бородатого незнакомца, которого я вчера встретила в лесу. Только одет он в этот раз был не в камуфляжный костюм, а в тёмно-синие шорты и белую футболку.

– Привет, – улыбнулся он мне, но сразу же нахмурился. – Я, наверное, не вовремя?

Ну да. По моему опухшему от рыданий лицу и красным глазам нетрудно было догадаться, что у меня что-то случилось. Неопределённо махнув рукой, я поинтересовалась:

– Вам чего от меня нужно?

– Ничего, – тряхнул он головой, сунул руку в карман шорт и вытащил оттуда большую старинную монету. – Вот. Это тебе.

– Зачем? – непонимающе уставилась я на его ладонь.

В диаметре монетка была сантиметра три с половиной или четыре. Я не нумизмат, в таких вещах не разбираюсь, но монеты тысяча семьсот шестьдесят пятого года выпуска в определённых кругах наверняка стоят немало. А эта ещё и выглядела как новенькая. И на вид вроде бы серебряная. С чего бы незнакомому человеку мне такие подарки делать?

– Ты не пойми неправильно... – смутился мужчина. – Это, можно сказать, последняя воля усопшего. У меня в этом селе дед жил. Он умер недавно, а дом мне по завещанию перешёл. К завещанию ещё письмо прилагалось и вот эта вот монета. В письме дед просил отдать её первому, кто в этой

деревне меня про Лисий Лог спросит. Я вчера не сообразил, а сегодня вот вспомнил.

– Слушайте, мне сейчас вообще не до Лисьего Лога и ваших семейных заморочек, – нахмурилась я. – У меня своих проблем хватает. А эта монета денег стоит. Продайте и не заморачивайтесь. До свидания.

Закрыла дверь и у окна немного постояла, наблюдая за тем, как он уходит. Потом снова попробовала заснуть, но сон уже не шёл. Проверила собачью кашу – остыла. Пошла кормить собаку. Открываю дверь, а на коврике монетка лежит. «Вот ведь баран упрямый», – подумала в адрес незнакомца, вывалила кашу в миску Графу и на обратном пути подняла «подарочек» с намерением в обозримой перспективе вернуть его владельцу.

В дом заползала на четвереньках, потому что ноги внезапно отказались меня слушаться. С головой тоже произошло что-то странное – перед глазами вдруг всё поплыло, а в ушах начался такой грохот, будто на меня сверху надели оцинкованное ведро и начали барабанить по нему палками. На полпути к гостинной начали неметь руки. Когда они подкосились, я просто рухнула на пол и на всякий случай попрощалась с жизнью. Спустя какое-то время шум в ушах сменился лёгким перезвоном, зрение немного прояснилось, но чувствительность к конечностям так и не вернулась.

– Ты чего творишь-то, чучело неугомонное? – откуда-то издалека донёсся до моего сознания голос Белены. – Я кру-

чусь, сучусь, чего попроще подыскиваю, чтоб её поначалу не особо сильно корёжило от чужой силы, а она в это время вон чего удумала! И ведь промолчала же, что знает, где магию взять. А ежели знала, то к чему было истерики закатывать, что у тебя нет ничего?

– Мнэ-э-э... Влэ-э-э... – проямлила я, едва ворочая непослушным языком.

– Бе-ме... – передразнил меня призрак. – Вот и лежи теперь тут, как тюлень подохлый, пока не уляжется всё, что хапнула. Ну вот кто так делает-то?

Я решила, что не обязана отвечать на эти претензии. Да и не могла ответить – в рот будто смолы густой налили. И ведь только утром вспоминала о том, что колдуны иногда перед смертью свою силу предметам оставляют, а что монетка с сюрпризом оказаться может, не сообразила. И смешно вдруг так стало – я невольно и в этом наперекор Белене всё сделала. Не теми силами и знаниями обзавелась, что она мне подсунуть хотела, а сама источник нашла. Точнее, это не я его нашла, а он меня, но суть-то от этого не меняется. Осталось только усвоить «подарочек», осознать его и понять, какие обязанности к нему прилагаются. О добровольном принятии дара даже речь не шла – я хотела его. Жаждала всеми фибрами своей души, потому что без магии моя жизнь похожа на бесхозную игрушку – кто как хочет, тот так ею и развлекается.

Глава 12. Узница зла

Наследие, которое я в прошлом году получила от Марфы, было уникальным. На протяжении трёх столетий оно накапливало в себе знания и способности всех ведьм, которые владели этим сокровищем. Мне досталась великая сила, а я не успела её освоить, потому что осваивать нужно было очень много. А потом Мария вообще лишила меня такой возможности.

Дар, попавший в мои руки сейчас, в корне отличался от предыдущего хотя бы тем, что он оказался чистым. Да, в плане колдовства он способен на меньшее, но у него сила совсем другая. Если сравнивать... Ну это примерно как сунуть руку в ведро колючек или в ведро пуха – ощущения совершенно разные. И главное достоинство моего нового дара – это душевный покой. Не апатия и полное безразличие ко всему происходящему, а спокойствие и рассудительность, которых мне всегда не хватало. Это хорошие качества, полезные, а в моём случае ещё и крайне необходимые. Белена права – я ведь как бульдозер. «Вижу цель. Не вижу препятствий» – так, кажется, говорят.

– Эк тебя вывернуло-то! – хмуро оценила мёртвая ведьма моё новое состояние. – Будем надеяться, что это временное побочное действие, а то ты так до того додумаешься, что и сына с мужем начнёшь считать суетой и обузой.

– Ну так ты ведь сама говорила, что ведьмы на одиночество обречены, – напомнила я ей.

– Ну так я это из зависти и вредности говорила, – призналась она, бросая на меня подозрительные взгляды.

Я тоже считала, что фундаментальное спокойствие не будет слишком долгим. Возможно, оно необходимо для того, чтобы дар побыстрее прижился в новом владельце. Как бы то ни было, мне даже временно такое состояние не повредит, а лишь на пользу будет. Очень кстати оно пришлось – хотя бы пропало желание переворачивать мир вверх дном в желании наказать всех, кто меня когда-либо обидел.

Помимо этого важного элемента, мой новый дар состоял из гармоничного комплекта «знания-сила-способности». Знания были довольно-таки скромными, но достаточными для того, чтобы снять порчу, заговорить больной зуб, свести свой недуг на кого-нибудь другого, сделать приворот или отворот – проще говоря, стандартный набор того, что может любая настоящая ведьма. Силы тоже оказалось не очень много, но в копилке знаний имелись такие, которые позволяли черпать магию извне – из разных источников для добрых и недобрых дел. С учётом того, что у меня и с прошлого раза в голове кое-что из собственных знаний и навыков осталось, всё новое можно было постепенно развить и приумножить. А способности... Ну тоже так себе, среднего пошиба. Если Белена намеревалась мне что-то ещё проще этого организовать, то моё обучение точно растянулось бы до

китайской Пасхи.

Проблема в том, что колдовское зрение в упомянутый комплект не входило, а мне без него ну никак нельзя.

– Среди твоих неупокоенных знакомых есть ведуны без способностей к колдовству? – спросила я Белену, вспомнив о девочке Изабелле.

– Ну так я с этого начать-то и хотела, – сообщила мне «помощница». – Всего по чуть-чуть. Сначала одно освоить надо, потом следующее.

– Я целый год с таким магическим арсеналом жила, что мне твои «чуть-чуть» сейчас как мёртвому припарка, – сухо напомнила я. – Мне нужны способности ведуна.

– Так ты эти ещё не освоила, – удивлённо округлила она глаза.

– Ты добро творить и прощение заслуживать собиралась? Вот можешь прямо сейчас и начинать.

– Ну так это... – замялась она.

– Что? – вопросительно приподняла я бровь.

– С того света-то призыв на кровной магии делается, а у тебя сейчас сила другая совсем.

– А ты мне на что? – усмехнулась я.

– Ну так я-то в возможностях ограничена теперича, – развела она прозрачными руками. – Я и огонь-то зажечь не могу, ты сама видела. Мебель могу двигать, половицами скрипеть, детишек по ночам пугать. Призыв точно сделать не смогу. В плане колдовства я теперь почти аки агнец безвин-

ный.

– Слушай, агнец, ты если заливаешь, то хотя бы последовательной в своём вранье будь, а то путаться уже начала, – усмехнулась я. – Как ты меня чужими способностями снабжать собиралась, если ни ты, ни я ничего не можем?

– Ну так это... Ну-у...

– Баранки гну! – остановила я её терзания. – За мной иди.

– Куда?

– В кухню.

– Зачем?

Помощница, блин. Учить колдовству она меня собралась. Научила уже один раз, хватит. И объяснять ей каждый свой шаг я точно не буду – подвязалась добром меня всячески благодетельствовать, вот пусть и терпит теперь.

Я закрыла входную дверь на ключ, чтобы никто из особо любопытных посторонних не увидел лишнего, а в кухне вынула из шкафчика пачку соли и насыпала её на пол по кругу, оставив проход шириной сантиметров в пять. Поранила немножко палец острым ножом, капнула несколько капель крови в центр круга...

– Имя говори, – потребовала у Белены.

– Так оно не работает, – возразила она. – Это ты ерунду сейчас делаешь.

– Ну вот заодно и узнаем, работает или нет, – безразлично пожала я плечами и бросила пригоршню соли в обманщицу.

Таким оригинальным, но простым способом прежний владелец моего нынешнего дара избавлялся от злых духов. Соль призракам не вредит – только отпугивает. И в момент раздражения дух инстинктивно шарахается в сторону при-манки, которой может служить любой магический предмет. Таких предметов у меня под рукой не имелось, но кровь ведьмы должна была сработать. А после того, как дух окажется внутри соляной ловушки, остаётся только закрыть её и читать молитвы до тех пор, пока нечистая сила не уберётся восвояси. С молитвами у меня тоже было туговато, но, к счастью, нужные тексты к новым знаниям тоже прилагались.

Соль разлетелась по кухне. Белена метнулась к каплям моей крови. Я коротким движением ноги сдвинула немножко соли на полу в сторону, замыкая круг. Всё как по нотам – красота!

Уверенности в том, что соль сможет долго удерживать дух ведьмы, у меня не было никакой, но и расчёт был не на это.

– Ну и чего ты этим добилась? – недовольным тоном поинтересовалась Белена, скептически оглядывая границы своей соляной тюрьмы.

– Пока ничего, – ответила я. – Просто проверяю новые знания в действии. К такой ловушке ещё заупокойная молитва прилагается. Я вроде как атеистка, поэтому не факт, что сработает, но опробовать-то надо, пока неупокоенный дух под рукой есть.

И начала медленно проговаривать слова молитвы. Беле-

на отнеслась к этому с надменной усмешкой. Ну да, из меня святоша как из неё – балерина. Но у молитвенных слов, видимо, своя сила имелась, да и текст отличался от того, что мне доводилось слышать на похоронах. Я в этом не специалист. Спроси, чем отличается отходная от заупокойной – не смогу ответить. Может, это вообще не молитва была, а заговор какой-то специальный, но он точно работал. Что дали, тем и пользуюсь.

– Элька, не дури, – нервно крикнула Белена, дрожа всем своим призрачным телом. – Ты чего творишь? Мне-то не впервой на тот свет отправляться, но доставать-то ты меня потом как оттуда будешь?

– Никак, – честно ответила я. – У меня ж способностей нет.

– Прекращай этот балаган, – потребовала она тоном, каким обращаются к расшалившимся детям.

– А зачем ты мне нужна? – поинтересовалась я. – Обещанной пользы от тебя всё равно никакой, одни только нравоучения и оскорбления. Вместо помощи враньё сплошное и препятствия на каждом шагу.

– Это не препятствия, а попытки удержать тебя от опрометчивых поступков, – возразила она. – Не знаю, что там у тебя сейчас в башке твоей дурной творится, но явно не то, что должно.

– А что должно? – полюбопытствовала я, склонив голову на плечо.

Ответа не последовало. Прилагающиеся к соляной ловушке слова зазвучали из моих уст дальше. Белёная субстанция, из которой состоял призрак, начала бледнеть и испускать в воздух маленькие невесомые клочки. Интересный эффект. Получалось, что сочетание соли и особенных слов как бы растворяет структуру неупокоенной души. Для духа это, наверное, не очень приятно. Белене не понравилось точно – она адресовала мне парочку крепких ругательств, не без усилий втянула в себя поднимающиеся вверх клочки, что-то пробормотала себе под нос, топнула ногой, и соль разлетелась по всей кухне. Круг разрушился.

– Ну вот, – усмехнулась я. – А говоришь, что можешь только половицами скрипеть.

Она ринулась было ко мне, да с такой скоростью, что напугала, а потом вдруг отлетела назад, будто на какое-то пружинящее препятствие налетела. Бранилась долго – кулаками потрясала, проклятиями сыпала и кричала, что хуже меня наказания нет. А я в это время размышляла над очередной странностью – почему она могла меня касаться, когда ногой утром исцеляла и позже зрением колдовским делилась, а теперь не может? А вдруг у моего нового дара защита какая-то встроенная от нежити есть? Я же его только чувствую, но не вижу.

– ...Чтоб ты провалилась! – закончила Белена наконец-то свою пламенную речь, отодвинула от стола один из стульев и с сердитым видом приземлила на него полупрозрачное тело.

– Я так понимаю, ты не ведьму из меня собиралась делать, а дуру, – подытожила я. – Не знаю, кто владел этим даром раньше, но спасибо ему огромное. Очень кстати пришлось. От тебя бы я и таких способностей не дождалась. Где Власов, вредительница?

– Не знаю я, где твой Власов, – огрызнулась она. – Я тебе о нём правду сказала.

– А о чём неправду? – уточнила я и тоже присела за стол. – Слушай, ты бы сразу лучше всё сказала, как есть, а? У меня ведь в шкафу запас соли на год. Упокоить я тебя, может, и не смогу, но попрыгать заставлю. Или пошла вон отсюда, чтоб глаза мои тебя больше не видели, или объясняй честно, чего ты опять ко мне привязалась. Раз я не провалилась никуда после последнего пожелания, значит, вреда ты мне причинить не можешь. Но при этом и не уходишь, когда гонят.

После этого разговора у меня снова остались только её слова, правдивость которых проверить невозможно. Единственным их подтверждением была лютая ненависть в голосе мёртвой ведьмы, адресованная не только мне, но и Марии тоже.

Призраком с ограниченными колдовскими возможностями Белена стала в результате собственного ритуала – того самого, которым разделила свою душу на части, чтобы потом подселиться в тело Женьки. Когда я подослала в Лесное дух Алексея Мухина, от прежней могущественной ведьмы оставалось всего две части – сильно ослабленная основа и тот

кусочек, который засел в племяннице Мирона Карпунина. Процесс подселения тогда уже был запущен, но он не быстрый, поэтому Женька и чувствовала себя тогда всё хуже и хуже, а Белена истощалась всё сильнее – так всегда и происходит, а потом, когда всё завершится, просто нужно восполнить силы. Мухин утащил Белену на тот свет ослабленной настолько, что она даже сопротивляться не могла. Защиту со своей избушки на Змеиной горке она сама сняла – отчаянно пыталась восстановиться за счёт любых доступных ресурсов и хватала всё подряд. Избушка в итоге стала видимой, поэтому Пётр Семёнович получил возможность сжечь посмертный подарок Мухина – вольную и дарственную на лес. У посмертного дара сила особенная, и из-за этой силы вместе с бумагами загорелся и сам подарок – лес полыхал, пока не выгорел полностью. Не деревья горели – земля. Крепкая связь Белены с миром живых оказалась полностью разрушенной.

На том свете она тоже долго не задержалась. Дарёна знала, что пророчество Пелагеи сбудется нескоро, а на моего сына у неё уже тогда были свои планы. Она и призвала Белену, не дожидаясь, пока та найдёт способ улизнуть из пристанища неупокоенных душ и навредить мне или ребёнку. Когда я общалась с Пелагеей, Белена была ещё там, поэтому мне и было сказано, что её душа из чёрной белой пока ещё не стала. А чуть позже Дарёна приготовила для своей наставницы неуютную клетку, провела ритуал призыва и посадила ослабленный дух под замок.

Все эти месяцы Белена провела в заточении. Восстановить прежние силы и утраченные способности она уже не могла, потому что ритуал подселения не был завершён. Нынешнее состояние – это всё, что у неё осталось. Вдобавок к этому Дарёна своим чёрным колдовством ещё и сильно ограничила узницу в плане намерений – даже если бы Белена смогла вырваться и удрать, никакого зла она мне уже бы не причинила. И сыну моему тоже. И Власову. Эта защита не вокруг нас создана, а внутри самой Белены – просто магический запрет, который она обойти не может. Даже мелкую пакость вроде подножки подстроить нельзя, что бесит мою бывшую подружку неимоверно. А врать ей никто не запрещал – это единственная радость, которую Белена теперь может себе позволить.

Трактовать пророчество Пелагеи можно по-разному, но Дарёна решила поспособствовать его исполнению не только запретом на вредительство. Белена – дух, нежить. И её, как всякую нежить, при наличии должных умений можно подчинить, что Дарёнка и сделала. Не нацепила строгий ошейник, как на Нефёда и Фросю, но служить себе заставила.

– И будет служба эта треклятая длиться теперь до тех пор, пока слова Пелагеи не исполнятся, – с тяжёлым вздохом пожаловалась мне Белена. – Знала бы, что так всё обернётся, лучше б сразу тебя в своём болоте утопила.

– Угу, – кивнула я. – Я во всём виновата. И в том, что триста лет назад ты за собственной воспитанницей не уследила,

тоже. Теперь Машка тебя на цепь посадила, а ты на мне за это отыграться решила.

– Да кому ты нужна, бестолочь бесноватая? – презрительно скривилась она. – Больно мне надо было время на тебя тратить. Это ей, гадине, втемяшилось, что я должна добро для тебя творить в меру своих сил и возможностей, чтобы ты ненароком шею себе не свернула на пути к ведьмовству. Мне чем быстрее ты окочуришься, тем приятнее будет. Про благие намерения слышала? Куда ими дорожка вымощена? Ну так вот а мне туда не надо, потому и намерений таких у меня нет.

Проще говоря, Дарёна отправила Белену ко мне в услужение, когда стало понятно, что от идеи снова влезть в магию я уже не отступлюсь. Мир магии опасен, любой неверный шаг может жизни стоить, а с моим рвением таким неверным шагом может стать даже самый первый.

– Не препятствовать, но и в помощи не усердствовать. Больше попусту языком молоть и смотреть, чем делать. Оберегать от всего, что жизнь твою никчёмную сократить может. А раз зла я тебе причинить не могу, то и услуги мои, глядишь, плюсишком к пророчеству зачтутся. Злая, мол, ведьма доброй станет, пусть и не по своей воле. Глаза б мои вас обеих не видели! – брезгливо плевалась откровениями Белена. – Не стану я под твою дудку плясать, даже не мечтай. Напакастить не могу, но и помогать не буду. Не дождёшься!

– А так красиво мне всё утро о добрых делах пела... –

усмехнулась я и снова спросила: – Где мой муж и сын?

– А на вот тебе мужа и сына! – сунула она мне под нос призрачный кукиш. – Выкуси! Не помнит тебя твой мужик. Дарёна своё дело знает. Подле неё они теперь будут. Семейкой станут. Фроська нужно ему нашепчет, и будет он верить, что сына ему другая баба родила. Всю душу его шиворот-навыворот перевернут. Ничего не вспомнит. Другим человеком себя считать будет. А ты никогда ей соперницей стать не сможешь, сколько ни старайся.

– Ясно, – кивнула я, принимая новую информацию к сведению. – Нефёду, видимо, тоже было велено раньше времени сведения об этом грандиозном замысле не разбазаривать, поэтому ошейник на имя Дарёны и сработал. А теперь вернёмся к тому, с чего начали. Мне нужны способности ведуна. Помогать мне ты не хочешь. А раз другого неуспокоенного духа с такими способностями поблизости нет, будем пользоваться твоими.

– Это как это? – подозрительно сощурилась она.

– Ну у кого-то мне их надо забрать, – развела я руками, многозначительно приподняв брови.

– Здоровья не хватит, – фыркнула она в ответ и предложила: – Баш на баш. Я тебе призыв, а ты взамен скажешь, где силу взяла.

– Идёт, – согласилась я, сходила на крыльцо, отыскала укатившуюся в палисадник монетку и положила перед Беленой на стол.

Я не знала, осталось что-нибудь в этой монете или нет, но, судя по разочарованной физиономии призрака, дар перешёл ко мне полностью.

– Заговорённая была? – подняла она на меня тоскливый взгляд.

– Угу, – кивнула я насмешливо. – Я свою часть уговора выполнила, а отказаться от сделки уже нельзя, сама знаешь.

Глава 13. Новый взгляд

Не смешно, конечно, но забавно – оказывается, на каждую мою новую способность Белена ещё и разрешение у Дарёны спрашивать должна. И общаются они дистанционно, если это так можно назвать – через рисовые зёрнышки. Если зёрнышки почернеют, значит, нельзя мою просьбу выполнять. А если какой другой цвет приобретут – можно, но, опять же, с ограничениями в зависимости от цвета. Цирк да и только! Получается, Дарёна ещё и за меня решать будет, какой магией мне пользоваться.

– Красные, – недовольно поморщилась Белена, разглядывая несколько зёрнышек на блюдечке. – Твоя взяла, чтоб вас обоих...

– А если бы они посинели? – поинтересовалась я.

– Ну вот как посинеют, так и скажу, – огрызнулась она. – Эти выбрасывай, они уже негодные.

– Я их коллекционировать буду, – усмехнулась я, вынув из шкафчика малюсенькую стеклянную баночку, в которой раньше было яблочное пюре.

– Зачем? – не поняла Белена.

– А для красоты. Потом в вазочку пересыплю, когда накопится побольше и разных цветов, и будет у меня оригинальное интерьерное украшение.

Она покрутила полупрозрачным пальцем у виска, сплю-

нула и обозвала меня ненормальной.

Призыв нам пришлось проводить вместе, потому что вытащить нужный дух с того света у Белены получилось далеко не с первого раза, а удержать его она и вовсе не смогла. Если бы я не сделала предусмотрительно соляную ловушку, мы бы его упустили, и неизвестно, хватило бы у навязанной мне помощницы сил на ещё одну попытку.

– Знакомся, это Акакий, – представила мне мёртвая ведьма бесформенное белёсое облачко, покачивающееся на подобии ног внутри ловушки. – Он давно уже упокоиться не может, поэтому плохо выглядит. Акакушка, я тебе преемницу нашла. Хоть бы поздоровался что ли для приличия.

Акакушка изогнулся в подобии поклона и проямлил что-то нечленораздельное.

– Ты уверена, что это именно ведун? – скептически уточнила я, наблюдая за усилиями духа.

– Другого не будет, – сообщила она в ответ. – Дар ведовства от колдовского отличается, его передавать не надо. Он отдельно от души существует и после смерти сам себе преемников ищет. Тебе повезло, что хотя бы этот есть.

– А почему он не упокоился, если дар передавать не надо? – подозрительно сощурилась я.

– Так у него на старости лет с головой уж не всё в порядке было. Он так и не понял до сих пор, что помер, хотя уж лет двести с тех пор прошло, ежели не больше. Его не дар на пути к покою держит, а уверенность, что он всё ещё жив.

Мне стало жалко старика – при таком раскладе он ведь и после передачи способностей покой не обретёт. Так и будет маяться между мирами до скончания времён.

– Мы его упокоим после того, как он способности отдаст, – решила я.

– Да на здоровье! – разрешила Белена. – Только ты сначала забрать у него попробуй то, что хочешь. Он ведь совсем спятил, себя не помнит, а про дар свой уж забыл поди.

Я попыталась поговорить с призванным духом, но он только мычал что-то в ответ и непрестанно кланялся, будто при жизни ничем другим не занимался. Не думала, что всё так сложно будет. Если дар отдельно от души существует, согласие на его передачу всё равно нужно, а как от невменяемого духа такое согласие получить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.